

Литературная газета

№ 47 (538)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Суббота, 24 августа 1935 г.

ЭКЗАМЕН ВЫДЕРЖАН!

Удвело рассказ о социальных катаклизмах эпохи Шекспира, о живительном воздухе возрождения, сменившем готическую затхлость средних веков, переход от человека к человеку, переход к творчеству Шекспира. До нынешнего дня литературоведение не давало точного ответа, кто же является истинным создателем гениальных произведений, подписанных коротким именем, известным всему цивилизованному человечеству? Существуют только более или менее вероятные гипотезы, они перечислены и по-прежнему оспариваются: спорит с Фриче, почти согласуясь с Смирновым. Наконец, о Гамлете. Надо прочитать внимательно эти, не лишние детальной важности строки, чтобы опенить, какому глубоким человеческим сочувствием сотрета здесь далекая трагическая фигура датского принца. Молодой автор не может согласиться с Тургеньевым (речь идет о его известной статье «Гамлет и Дон-Кихот») он склонен опереться на Белинского скорее. Подробно излагая биографию Гамлета, он стремится понять и оправдать все его поступки, усматривая причину колебаний, непоследовательности, слабости порой в том, что «распадается связь времен». Гениальный образ Гамлета, — заключает автор, — впервые в такой несказанной мощью свидетельствует о возможности, заложенной в человеческой личности, — возможности, реализовывать которые призваны мы...

Таково содержание экзаменационного сочинения одного будущего студента литературного факультета Историко-философско-литературного института. Если думать пример устного ответа, то представим читателю сына рабочего, ученика школы Октябрьского района. То, что рассказано о нем на экзаменах, было в сущности рефератом о путях французской прозы от Гюгено до Франсуа. Его товарищи по школе с такими подробностями изложили эволюцию философских взглядов Беллинзона, Добролюбова, Чернышевского, Парасева, что стенографическая запись ответов могла бы сойти за обстоятельную справочную статью.

2. Мы предвидим возражения и заранее согласимся с ними. Да, названный здесь — способный из экзаменующихся и таких способнейших можно бы отнестись в любой группе абитуриентов, куда бы и когда бы не держали они экзамен. Но способнейшие могут противостоять остальным и могут с наибольшей яркостью выразить черты, свойственные всей массе. Здесь обстоит дело именно так. Надо ясно себе представлять лицо пришедших в институт в этом году. Это семидесятилетние, всезнающие и умные юноши и девушки (заметьте снижение возраста по сравнению с прошлыми приемами), которые пришли, в большинстве своем, из десятилеток. Это ровесники Октября, чье отрочество прошло в условиях повышения благосостояния страны, здоровья, зажиточности и уверенности в себе. Показание. Это те, кого видели мы на выпускном вечере московских десятилеток: ребята, которым были предложены все возможности для серьезной учебы, всестороннего развития, повышения культурного уровня; это их одноклассники со всех географических точек страны. Намечение в области подготовки, результаты любовного внимания всей страны к школе, к каждому своему гражданину, не могли не сказаться. Они казались. Запрятанные студенты несравненно грамотнее в прямом смысле этого слова, знания их систематичнее и основательнее, круг интересов шире. Они охотно и только пользуются материалом, не входящим в программу.

Итак, они сознательно выби-

рают специальность. Уже почти нет таких, которые бы на вопрос «какой факультет выберете?» отвечали: «все равно какой». Зато во многих анкетах предусмотрен не только факультет, но и узкая специализация, при этом в весьма категорической форме: «Литературный факультет, отделение западных литератур или совсем не надо».

3. Если сравнивать с прошлым годом, то успехи огромны. Но ведь и требования наши гитантски возросли. И далеко не во всем можем мы успокоиться на достигнутом уже. Оборотимся снова к грамотности. Она повысилась, но обладают абсолютной грамотностью все же менее половины экзаменуемых. Между тем абсолютная грамотность по отношению к окончивающим среднюю школу — требование совершенно элементарное. То же можно сказать и о преподавании литературы. Успехи велики, но это — первые успехи, необходимая равномерность не достигнута. Совершенно удивительно, с какой ясностью высказывается качество работы именно этой, данной школы, на знаниях ученика. Так, впереди остальных, на много обогнав, идут школы Москвы, затем школы Иваново-Вознесенска, Сталинграда (особенно 10-я), Астрахани... Провести все школы к уровню передовых — значило бы добиться огромных результатов. Пережить этого старое поколение в методике, и такое важное умение, как умение внушить ребятам любовь к литературе, оно есть, повидимому, далеко не во всех педагогов. Не так чтобы ребята не любили книгу. Они влюблены в нее, они упиваются ею. Но как часто эта не та книга, которая входит в программу школьного преподавания литературы. Вузгарный социализм еще не победил. Он сдал первые позиции в столице, но на периферии цветет пыльным хлопковым цветом. И Пушкин — продукт, и Толстой — продукт; остается неизвестным, что обеспечат этим «продуктам» неизменную любовь поколений и высокую оценку со стороны самой широкой массы человечества. Даже прорывавшиеся в одиночку к живому голосу великого художника, ребята не могут получить от педагога объяснения, тем же — так возмущают их эти неумяемые страницы?

4. Вузгарный социализм в литературе — как и в истории — вреден также тем, что не дает конкретного знания материала. За мертвыми схемами остаются забытыми произведения, неизученными литературные факты. Наблюдательный во всей работе школы педагог, стремясь к повышению конкретных знаний не мог бы отразиться и на преподавании литературы. Они отражались, но иногда весьма уродливо. Одна экзаменующийся была обвинена в том, что списала на экзамене две страницы учебника. «Ничего подобного», — ответила она — «я знаю весь учебник на память». И прочла наизусть ошеломляющим экзаменаторам написанные страницы. Эта девочка считалась у себя в школе первой ученицей...

Против такой, перекочеванной из недр старой гимназии идиотической зубрежки, которая может внушить только отвращение к литературе, предмету живому и увлекательному, надо возвать самых решительных образом. Остается добавить, что зубрить то приходится по учебнику Головенченко. Учебник этот получил даже достойную оценку на страницах нашей печати, он принят всеми тремя литературоведческими школами. Учебник условно приемлем, поскольку педагог всей своей работой исправляет его. Но трудно представить резу-

льтаты бессмысленной зубрежки по такому учебнику.

Наконец, нельзя не отметить внешнюю историчность, которой явно грешит методика преподавания литературы в школе, и как следствие ее — ужасную путаницу в головах учеников. Дело не в анекдотах, хотя анекдоты можно было бы привести достаточно печальные: вроде того, что Пушкин писал при Петре, а Петр царствовал один год, а Екатерина жила в XIX веке. Дело во всей схеме живого развития литературы, утвердившейся в голове ребят. Повидимому, немалая доля вины здесь на программе и учебнике, в которых, после «Слова о полку Игореве» непосредственно идет во семнадцатый век. Между ними — не обязательный «мелкий шрифт».

Остается добавить, что все сказанное еще в большей мере относится к окончившим техникумы и рабфаки, которые дают слабейших из поступающих. Страшно смотреть на сочинения окончивших педагогические техникумы. Допустим, вуз тут многое исправит, а что если бы они пошли непосредственно на педагогическую работу?

5. Перед экзаменационным столом проходили сотни юношей и девушек и все они — вне зависимости от учебного усвоения материала программы — могли быть условно разбиты на две группы: хорошо ориентированных в западной литературе и плохо ориентированных в ней. Заинтересовавшись, экзаменаторы убедились, что к первой группе относятся москвичи и жители немногих крупных центров; во второй группе — все остальные. Подготовка, экзаменаторы обнаруживали и причины: отсутствие книги, Несмотря на колоссальные тиражи, книги классиков, особенно западных, не ходит до периферии. Все это свидетельствует также о мало удовлетворительном состоянии школьных библиотек.

Не менее интересные наблюдения были сделаны и по линии современной литературы. Основных советских писателей ребята, конечно, знают, многих любят, но вот самые популярные — не только чаще всего назывались их имена, но цитировались крупные куски — оказался Кирсанов, Гусев и некоторые другие. Почему? Потому, что они часто печатаются в газетах.

Это — явление огромной важности. Значит, какой же мощной фактор воспитания не только политического и общекультурного, но и фактор литературного воспитания представляет собой газета. Между тем, сколь часто советские писатели рассматривают газетные свои вещи, как творчество «второго сорта», к которому предвзрительно относятся требования и за которые, соответственно, меньше ответственности. Какой огромный вред, значит, приносит неправотность иных районных газет. Может быть, следовательно бы поставил вопрос о чистке языка не только художественной литературы, но и литературы бытовой, от агитки и приклада до популярных брошюр, изданных иногда совершенно невообразимыми перлами.

И еще о современных писателях. Если по отношению к классикам и писателям, давно умершим, школа дала какие-то критерии «художественности», то говоря о ныне живущих, она подходит к ним исключительно со стороны темы, материала. Характеризуя художественные достоинства современных писателей (кроме Маяковского) могли очень немногие из ребят.

Это важно отметить правильно и это ведет к тому, что много замечательных писателей наших дней остаются невостребованными учениками средних школ.

А. РАМ

Генеральный секретарь Коминтерна Г. ДИМИТРОВ.

ПОД ЗНАМЕНЕМ КОМИНТЕРНА

Съезд коммунистов всех стран и всех континентов земного шара — VII Конгресс Коммунистического Интернационала закончил свою работу. Этот конгресс войдет в историю мирового рабочего движения как крупнейший шаг, как истинный момент нового большого этапа в международной борьбе за торжество коммунизма. Конгресс был окружен исключительным вниманием и любовью не только миллионов трудящихся советской страны, но и рабочих стран капитализма и занемаленных народов Азии. К голосу конгресса прислушались с глубоким интересом и надеждой миллионы крестьян, мелких труженников города, значительные слои трудовой интеллигенции, рабочие, широкие народные массы всех стран. Ибо решения конгресса — это программа борьбы за освобождение подавляющего большинства населения от гнета хищнической империалистической верхушки, от ужасов империалистических войн, от кровавой и опустошительной фашистской реакции. Ибо знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, которое высоко держало на конгрессе, становится знаменем единственно возможного выхода всего человечества из тупика капиталистического вырождения и упадка.

Как указал в своей замечательной речи на закрытии конгресса тов. ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ, избранный генеральным секретарем Коминтерна, VII Конгресс «БЫЛ КОНГРЕССОМ ПОЛНОГО ТОРЖЕСТВА ЕДИНСТВА МЕЖДУ ПРОЛЕТАРИАТОМ СТРАН ПОВЕДШЕГО СОЦИАЛИЗМА — СОВЕТСКОГО СОЮЗА — И БОРЮЩИХСЯ ЗА СВОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРОЛЕТАРИАТ НАПАТИЛИСТИЧЕСКОГО МИРА». Конгресс со всей силой подчеркнул огромное значение победы социализма в СССР как могучего исторического фактора, движущего вперед дело международной борьбы рабочего класса. Конгресс во всеобъемлющем смысле, что защита Советского Союза, рост его мощи и укрепление его международной авторитета есть важнейшее условие дальнейшего победного коммунизма.

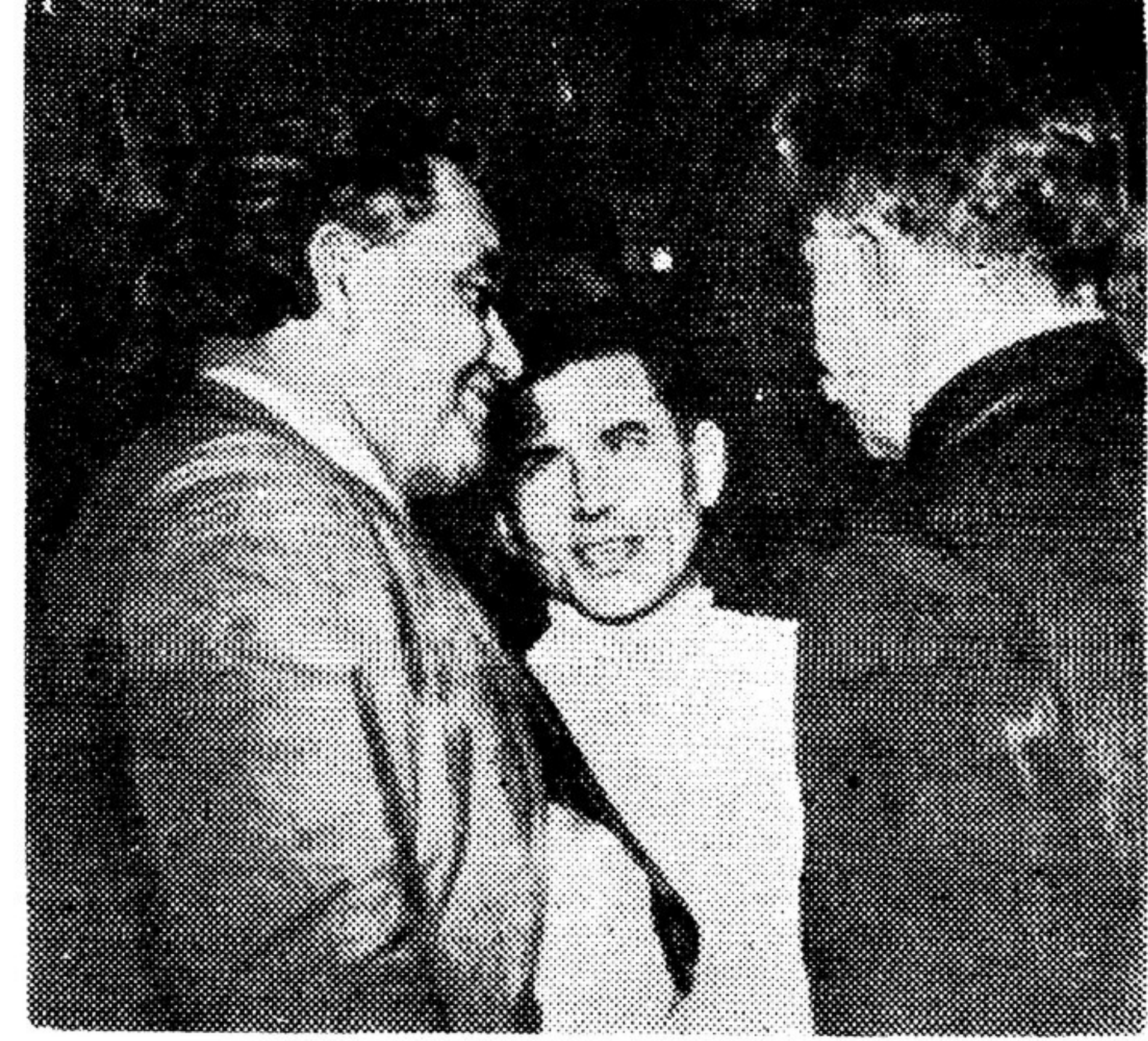
VII Конгресс войдет в историю международного революционного движения как конгресс боевого ЕДИНСТВА РАБОЧЕГО КЛАССА. «Наш конгресс», — говорил в той же речи т. Димитров, — ЗАЛОЖИЛ ОСНОВЫ ТАКИХ ШИРОКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ СИЛ ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ ПРОТИВ КАПИТАЛИЗМА, КАКОЙ НЕ БЫЛО ЕЩЕ НИКОГДА В ИСТОРИИ БОРЬБЫ РАБОЧЕГО КЛАССА». Конгресс поставил задачу — покончить с порочным режимом в рядах пролетариата с изодерганной рабочего класса от широких народных масс. Широкий НАРОДНЫЙ ФРОНТ против наступления капитала и реакции, против угрозы войны и фашизма, — таков путь для выполнения рабочим классом своей роли авангарда всех трудящихся в каждой отдельной стране и во всем мире. Коммунистические партии, ведущие за собой массы пролетариата, твердо столящие на почве революционной классовой борьбы, готовы пойти на всеобщее действие с другими партиями, борющимися против фашизма и войны, ибо основная историческая задача момента — массовым отпором преградить путь реакции и наступлению капитала, и фашизма, помешать уничтожению буржуазно-демократических свобод, предотвратит террористическую расправу фашизма над революционным пролетариатом и крестьянством и над лучшей частью ин-

телигенции, не позволить фашистской диктатуре свергнуть мир в кровавые войны и новое физическое и моральное вырождение. VII Конгресс Коминтерна — это конгресс НОВОЙ ТАКТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТОВКИ сил коммунизма во всех странах в соответствии с изменившейся мировой обстановкой и по-новому сложившимся соотношением классовых сил в международном масштабе.

Для осуществления этой новой тактики, для которой неуриной основой являются учение Маркса — Ленина — Сталина, огромный опыт всей предшествовавшей исторической борьбы большевиков и великие урны победы коммунистической революции в СССР, — необходима, как никогда, стальная сплоченность коммунистических партий вокруг Коммунистического Интернационала, необходима большевистская гибкость и безграничная большевистская решимость, необходима твердая вера в грядущую победу рабочего дела. «Выступая за единство рабочего класса», — говорил т. Димитров, — мы будем с тем большей энергией и непримиримостью бороться за ВНУТРЕННЕЕ ЕДИНСТВО НАШИХ ПАРТИЙ. Не может быть мира в наших рядах фракция, фракционному пополнению. Тот, кто пытается нарушить железное единство наших рядов путем какой-либо фракционности, тот испытает на себе, что значит большевистская дисциплина, которой нас ведали учил Ленин и Сталин. «Опираясь в каждом своем шаге на боевое революционное учение Маркса — Ленина — Сталина, Коммунистический Интернационал будет вести пролетариат и широкие народные массы и новым революционными победами, борясь на два фронта против хитрого приспособленчества и против сепаратной изоляции отдельных ошибок, развывая инициативу каждой коммунистической партии в постановке новых вопросов и в то же время беспощадно разоблачая упорствующих в своих ошибках и дезорганизаторов рядов коммунистических партий.

Конгресс Коммунистического Интернационала всей совокупностью своей работы и своих решений показал, что есть в мире великая сила, способная противостоять фашистской реакции, что есть настоящий застрашный хозяин мира, который готовиться вступить в свои исторические права и взять в свои руки судьбы человечества. Эта сила — мировой коммунизм, этот хозяин — международный пролетариат, ведущий за собой всех трудящихся. Решения конгресса говорят о том, что коммунисты всего мира готовы по-большевистски встретить в передовых шеренгах народных масс грядущие революционные бои и что в этих боях они будут достойными знаменосцами великих идей Маркса — Ленина — Сталина. Решения конгресса вдохновляют каждого человека труда независимо от цвета кожи, национальности и партийной принадлежности, они вызывают лучшим людям культуры великую надежду на торжество настоящей человечности против фашистского звериного человеконенавистничества, они зовут и решающим боим за новый строй подлинной свободы и братства людей.

Вокруг боевого знамени Коммунистического Интернационала собираются лучшие силы трудящегося человечества, под этим знаменем дело коммунизма восторжествует во всем мире.

20-го августа закрылся VII Всемирный Конгресс Коминтерна. Тт. ДИМИТРОВ, ЕЖОВ И МАНИУЛЬСКИЙ за беседой.

Дневник Литературной газеты

24 АВГУСТА

Прошли приемные испытания в вузы и вузы. Стационарное образование — привычка на пороге поступления, нежелая приходить поступающие в прошлом году. Повинается общий уровень грамотности, общий уровень культуры будущих студентов. Молодые люди нашей страны серьезно подходят к будущей своей специальности, ибо они знают, что по окончании вуза они будут работать в стране самой высокой техники и передовой культуры мира. Здесь остаются нежелая, и на потому, что отсталый, как это мы на будем в капиталистическом мире, не имеет никаких шансов «выбиться в люди» — (там даже передовые таланты всякие надежды). Уровень сознания нашей молодежи, уровень понимания ею стоящих перед нами всемирно-исторических задач настолько высок, дисциплина и чувства товарищества настолько широко приняты в нашей стране, что именно эти обстоятельства позволяют надеяться, что молодежь отнесется к задачам учебной по-социалистически.

Наше государство, вся система наших хозяйственных и культурных мероприятий обеспечивает студенту нормальную учебу. Наш студент имеет обильную работу, получает государственную стипендию и это обязывает его относиться сознательно к своей учебной работе. Наш студент в большинстве своем выходит из пролетарской среды, или он сам рабочий, учащийся знает, что государственная стипендия, которую он получает, — это труд миллионов пролетариев социалистического государства.

Повысшееся благосостояние нашей страны, подъем культуры и обилие материального уровня широких слоев трудящихся масс связываются на общем уровне поступательных в высшие учебные заведения. Но это не значит, что в степени подготовки мы достигли всего того, что нам необходимо. Нет, здесь предостает еще большая работа. И в первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что поступающие, прекрасно усвоившие предметы, необходимые будущей специальности, но все еще удовлетворят высоким требованиям к другим предметам.

Если поступающие на литературные отделения вузов, или идущие в ИФЛИ часто совсем хорошо осведомлены в литературных вопросах и хорошо усвоили основы литературной терминологии, то поступающие во вузы и вузы других специальностей обнаруживают и слабое знакомство с художественной литературой и недостаточный уровень общей грамотности. Также не совсем удовлетворительно обстоит дело с уровнем подготовки по общей истории (знание конкретных фактов) и географии.

Следовательно, в средней школе дело преподавания художественной литературы и русского языка, истории и географии до сих пор еще не находится на удовлетворительном уровне. Мы уже отмечали не раз, что болванство, именуемое вульгарным социологизмом в преподавании литературы, далеко не взята, в особенности в периферии средней школы.

Наряду с этим у некоторых слоек преподавателей художественной литературы в средней школе мы можем наблюдать отход от принципов социологии марксистского в сторону формализма, алгебраизации. И в то и другое явление ненормальное, и с ними необходимо вести решительную борьбу.

Преподавание художественной литературы в средней школе нужно поднять на высоту тех требований, которые мы предъявим делу художественного воспитания масс. Речь о художественной литературе в культурной революции, поднятой в нашей стране, превышает понимание Тага к знаниям, к культуре поднялась и с каждым днем усиливается. Мы не мыслим себе пролетарского интеллигента, советского специалиста, особенно в настоящее время, образование которого ограничилось бы изучением своей узкой специальности. Наш интеллигент, наш советский специалист должен быть человеком культурным в самом широком смысле этого слова.

К III МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ ПО ИРАНСКОМУ ИСКУССТВУ

Организация в Ленинграде Третьею международному конгрессу по иранскому искусству задана жгучейший отклик среди ученых всего мира. Своим согласием участвовать в работе съезда дали крупнейшие западные исследователи иранской культуры и искусства.

За Францией на конгрессе ожидается директор Луврского музея г-н Жюль Салль, руководитель Восточного отдела Луврского музея проф. Дюссо, проф. Моргулис, проф. Поль Полино, проф. Харарри, д-р Лор Моргенштерн (Парижская национальная библиотека), молодой талантливый литовский ученый и писатель Раулис в Париже, Юриес Бантучавитис (театральному театру в Москве), директору знаменитого иранского музея в Кабре Гастон Вет и др.

Большая группа ученых призывает из Австрии, в том числе проф. Роберт Байрон, проф. Лейн Аштон (Лондонский музей Виктории и Альберта), проф. Лоуренс Биньон (Британский музей), проф. Кенстель (Лондонский университет), известный автор иранского искусства г-н Грег Эмброулис, проф. П. Лендерплет (Британский музей), известная международная ассоциация по иранскому искусству проф. Давид Тахлот Рейс и др.

Многие ученые призывают из Америки. Среди них генеральный секретарь международной ассоциации по иранскому искусству проф. А. Пола, автор многоочисленных работ об искусстве Ирана д-р Ф. Аккерман, проф. Лео Бронштейн (Институт иранского искусства в Нью-Йорке), проф. Джозеф Уитон (Метрополитанский музей),

роной ассоциации по иранскому искусству проф. Зарра, директор бердидского музея проф. Э. Конопель, проф. Эрнст Герцфельд, проф. Фридрих Крейтер, проф. Александр Лангсдорф и др.

В 80-ти залах Эрмитажа

К Третьему международному конгрессу по иранскому искусству и археологии Эрмитаж организует большую выставку.

Выставка будет расположена в 80 залах Эрмитажа. Большое место на ней займут экспонаты, показывающие развитие культуры народов Средней Азии, Закавказья, Иранского Туркестана, Монголии и других соседних с Ираном стран.

В основе выставки лежат собрания Эрмитажа, в том числе единственная в мире коллекция сасанидского искусства, собранная в Таджикистане советскими учеными в т. д.

На выставке будут также представлены результаты экспедиции Колбова в Монголию (раскопки древнего города Харо-Хото и Нони-Ула) и результаты экспедиции академика Ольденбурга в Китайском Туркестане (Туфань, Кунлар).

В организации выставки кроме Эрмитажа принимают участие многие музеи Советского Союза, в частности, Алма-атинский, Казахский, Ташкентский, Бухарский и ряд московских и ленинградских музеев.

Государственный музей Грузии открывает на выставку образцы иранской и грузинско-иранской живописи XVIII века, государственный музей Армении — иранские и индо-иранские пластины XVII—XVIII вв., образцы доисторической керамики сасанидского типа и змиданский котел с надписью XIII века. Государственный древовидный музей выдвинул из своих собраний две серебряные сасанидские чаши, бронзовый таз с надписью Атабюка Лулу, миниатуры Гиза Аббас и лист с арабо-месопотамской миниатюрой.

Ценные экспонаты получены из заграницы. Иранское правительство представило на выставку правительственную коллекцию, состоящую из очень интересных экспонатов последних раскопок в Персеполье, Дамгаде и Астададе.

Из Соединенных Штатов Америки поступила иранская коллекция Чикагского музея и экспозиция архитектурных памятников Ирана. Большой интерес представляет сасанидские серебряные блюда, тарелки и чаши Хурова, поданные из Луврского музея и Национальной библиотеки в Париже.

Издательство «Academia» выпускает второй том сборника «Восток» и собраны избранные сочинения крупнейших поэтов Ирана. Книги иллюстрированы миниатюрами персидских художников XV—XVII вв. Иллюстрация из рукописи Фирдоуси. Восстание кузнеца Каза

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА» В 1935 ГОДУ

«Интернациональная литература», — ежемесячный журнал Международного объединения революционных писателей (МОРП) — мало знаком читателю, даже квалифицированному. Единственное объяснение этому — маленький издательский тираж ила-...

Нужели нельзя добиться, чтобы единственный журнал, целиком посвященный современной иностранной литературе, издавался хотя бы в тираже, присвоенном радужному романисту?

Перед нами первые шесть книг журнала за текущий год. Каждая открывается отрывком (или несколькими отрывками) из крупного произведения какого-нибудь из мастеров зарубежной прозы. Эти заглавные вещи составляют тематическое ядро журнала; их стоит назвать.

В первой книге — «Фроста» Хемингуэй, великий, однако же, очень характерный роман с легкой фантазией из писателя американского буржуазия. Во второй — «Холодная» Апри де Монтелана, блестящее произведение, глубоко показавшее для современного этапа буржуазного реализма на Балканах. В третьей — «Смерть и рождение Дэвида Марканде» Уолдо Фрэнка, роман, с которым Фрэнк вошел в революционную литературу. В четвертой — «Через реку» Гейсворта, посмертное произведение, косящее продолжительное известное нашему читателю мемуарную эпопею о Форсайтах. В пятой — знаменитый эпизод из «Сыновей» Перл Бак. В шестой читатель впервые знакомится с революционным американским писателем Альбертом Хоппером по вступительной части его нового романа «Цинкография».

Ценность всех названных вещей сомнений не вызывает. И все же они в совокупности еще не представляют магистральной современной зарубежной литературы, а это — естественный критерий, с которым мы к ним подходим. Правильная линия, занятая редакцией на жесткий отбор первоклассных, политических и художественно актуальных произведений для основных разделов плана, должна проводиться еще более энергично и бескомпромиссно.

Вот замечание. «Интернациональная литература» не к лицу подавать пример «раскапывания» по кусочкам произведений иностранных авторов, чем грешат все наши журналы, усиленно интересующиеся в последнее время переводной литературой. Что произошло, например, с романом Перл Бак? Почему читатель, следивший за ним по «Красной книге», должен искать окончания романа в шестом номере «Интернациональной литературы»? Вообще, вся эта погоня за так называемыми «филейными» не оправдывается никакими суровыми соображениями.

Журнал должен решительно отказаться в печати от основных вещей своего плана. Пусть ежемесячно публикуется количество названий, а при строгом отборе это не оставит белых. Исчезнет мозаичность, уродующая многие номера «Интернациональной литературы».

Не пытайтесь исчерпать содержание художественного отдела журнала, упомянем еще из наиболее интересных отрывки из «Берлине Алексиса» Делюна, «Варфоломеевской ночи» Гюгено Манна, «У нас был ребенок» Гатса Фаллера, замечательный рассказ «Слепой» японского революционного писателя Симити Камэмути и поэму о суднопретельной литературе поэта — стихотворение Рафаэля Альберти «Героиня японской революции».

Обоим упомянем об «Улиссе» Джойса, три начальных эпизода из которого, связанные с образом Стивена Дедалуса, младшего из двух героев произведения, напечатаны в первых книгах журнала. Подтвердим лишним раз, что ничего сенсационного эта отрывки не содержат. Они расщепляют отходилое на литературные модели. Даже все технические новшества (внутренний монолог, смена психологических планов и т. п.) известны по многим и многим запятым романам, написанным по следам Джойса и давно у нас изданным. Наблюдать эти приемы в их первоначальном выражении важно для специалиста-литературоведа и критика. По мере накопления эпизодов, когда более четко обрисованы контуры этого причудливого обломка культуры буржуазного декаданта, «Улисс» представляет интерес и для выученого читателя, близко интересующегося литературными проблемами современного Запада.

Думается, что страницы «Интернациональной литературы» — как раз подходящее место для такого рода публикаций.

Роль «ложки дегтя» в прекрасном художественном материале журнала, как это ни странно, выполняет отдел, воюющий под знаменем «Юмор». Отдел этот пока совершенно неудачен и заставляет задорить редакцию в чрезвычайной смешливости, далеко переходящей среднюю норму. Раскакая Тьяна «Фартук на карболоде» (книга 6а) — слабейший из известных нам рассказов великого писателя. Он публикуется впервые (по-русски), и поэтому это событие не отложило до лучших дней ближайшего столетия его дня рождения. Тьяна. Что касается рассказов «В Ерролу» Ликона (книга 1-я) и «В чулом купальном костюме» Гомера Кроа (книга 4-я), то это — типичные образцы умного и обаятельного зубоскальства, дешевого суррата юмора, которым кормят своего читателя многотысячная западная пресса. Напротив, «Юмор» рассказов талантливого американца Кольдуэлла принадлежит к типу, справедливо именуемому «высланным». Печатающие эти странноватые социальные гротески в качестве юмористики не могут прийти лишь к дезориентированию читателя.

Мы со своей стороны обращаем внимание редакция на почти не переводившегося у нас Ринарда Ларнера, в лучших своих вещах блестящего американского сатирика-юмориста.

Интересно задуманный отдел «Литературные мемуары» служит как бы соединительным звеном между художественным и критическим отделами. В нем пока появился отрывок из «Дневника сорокатиной женщины» Жана Женно, о котором уже писалось в нашей печати; начиная со второй книги журнала печатается «Книга о самом себе» Теодора Драйзера.

Мы не имеем возможности разработать здесь в сущности статью об обширном и разнообразном критическом отделе «Интернациональной литературы» (а это следовало бы сделать). Ограничимся одним общим замечанием. Основным недостатком отдела следует считать малую плановость в его построении. Как единственное исключение, выделяется очень ценный в информационном отношении цикл статей о писателях современной Испании. Имея в виду этот коренной недостаток, приходится приветствовать имеющую видимость планирования и широко проводимую в журнале практику «прикрепления» к новому автору или произведению специальных критических статей. Так, например, уже упоминавшиеся «Холодьяки» Монтерлана сопровожда-

ются в той же книге журнала переопечатанный эпизод из «Юманите» рецензия Аргона, а в одной из следующих книг редакция помещает статью Ив. Анисимова о творчестве Монтерлана в целом.

Как, однако, ни актуален подобный способ расположения критического материала, от не может послужить принципом построения отдела теории и критики в таком журнале, как «Интернациональная литература». В основу отдела должна лечь систематическая разработка некоторых из основных проблем культуры и искусства за рубежом. Только тогда будет достигнута подлинно критическое единение художественного и критического отделов. Пока же критика в «Интернациональной литературе» бежит вприпрыжку за художественной прозой и зачастую не успевает заняться ничем иным.

Каждому понятно значение для журнала таких отделов, как «Факты и документы» и «Хроника». Современный критик, что мы уже говорили много внимания за ними следим, но не меньшим интересом, чем за «большевскими» отделами. Здесь письма писателей, автобиографии, написанные специально для «Интернациональной литературы», речи на писательских конгрессах и собраниях, вычисления из критических статей и высказываний.

Информация о событиях литературной жизни за рубежом и Советикам сопровождаются иллюстративным материалом: фото писателей, обложки журналов и книг, рисунки и карикатуры из зарубежной, близкой нам прессе.

Было бы полезно дополнить последний отдел информацией о переводной литературе у нас.

В заключение о переводе. Нужно отметить очень высокий уровень печатаемых в журнале переводов. Здесь журнал выступает как застрельщик борьбы за культуру перевода и сорбителем кадров работников этого ответственного и, к сожалению, все еще недооцениваемого участка литературной работы. Во многих отрывках пренебрежительные переводы отрывков из «Улисса» показывают, что молодые переводники, группирующиеся вокруг журнала, справились уже с труднейшими задачами.

(Не обходится, увы, без хурьных исключений). В песне «Взвешивая жемчужину» русский писатель Мильберг «Конечный жемчуж» закрывает грудничком с пещерными лицами, — излюбленным бродячим начинающим переводчиков с английского. Дело идет, конечно, о янничее с ветчиной. В следующем (тут же) рассказе Шарля Врбана, переведенном с французского, читаем: «Просели были усыпаны плодовыми деревьями, чаще всего грушевыми, при поро прекрасными, как дубы». И еще: «Облачены от ужаса, он вернулся домой». И еще: «Любуясь всем этим, казалось, что ты соешь большую мюзугову кошку».

Еще в конце прошлого века, когда в поэзии Аполина преобладали мотивы «естественного», ремесленно-мелькомбуржуазного труда, он произвел переворот в лагере шовинистической литературы, ввел в поэзию идеи труда, производства, рабочего, революционного.

Во все революционную зарплатную среду той поэзии Аполина может прийти тот, что как следует усвоил бы, что все господствовавшая литература равносто отставала доступ в свой пантеон только тем, кто способен был любить лишь бычачили и святые горы Анастасия. Публицист Бендикташа формулировал мысль, ставшие в более поздние сроки символом веры армянских фашистов-дипломатов: «армянские плыны лучше журых роз». Вот в эту затхлую, смрадную атмосферу буржуазного шовинизма, клерикализма, прелесть чистая, свежая, могучая струя пролетарской поэзии. Вооружая армян-рабочий переводом революционных песен на армянский язык, целым циклом оригинальных стихотворений и песен, Аполина создал еще до революции и такие крупные произ-

ПОЭТ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ БОРЬБЫ И ПОБЕДЫ

А Н О П А Н О П Я Н

Г. ТАТУЛОВ

Подное собрание стихотворений и проза Аполина Аполина, изданное Газом Армении в этом году, — это 68 лет жизни, 40 лет сознательного литературного творчества.

Подлинно-поэтическое, большевистское страстное — это творчество со всех точек зрения достойно изучения и популяризации.

Аполин Аполин — настоящий горафин армянской пролетарской поэзии. Он не только положил начало этой поэзии, но и сыграл большую воспитательную роль в приобщении к традициям борьбы за ленинско-сталинское мировоззрение в искусстве поэта. В «Интернациональной литературе» бежит вприпрыжку за художественной прозой и зачастую не успевает заняться ничем иным.

Каждому понятно значение для журнала таких отделов, как «Факты и документы» и «Хроника». Современный критик, что мы уже говорили много внимания за ними следим, но не меньшим интересом, чем за «большевскими» отделами. Здесь письма писателей, автобиографии, написанные специально для «Интернациональной литературы», речи на писательских конгрессах и собраниях, вычисления из критических статей и высказываний.

Информация о событиях литературной жизни за рубежом и Советикам сопровождаются иллюстративным материалом: фото писателей, обложки журналов и книг, рисунки и карикатуры из зарубежной, близкой нам прессе.

Было бы полезно дополнить последний отдел информацией о переводной литературе у нас.

В заключение о переводе. Нужно отметить очень высокий уровень печатаемых в журнале переводов. Здесь журнал выступает как застрельщик борьбы за культуру перевода и сорбителем кадров работников этого ответственного и, к сожалению, все еще недооцениваемого участка литературной работы. Во многих отрывках пренебрежительные переводы отрывков из «Улисса» показывают, что молодые переводники, группирующиеся вокруг журнала, справились уже с труднейшими задачами.

Мы со своей стороны обращаем внимание редакция на почти не переводившегося у нас Ринарда Ларнера, в лучших своих вещах блестящего американского сатирика-юмориста.

Интересно задуманный отдел «Литературные мемуары» служит как бы соединительным звеном между художественным и критическим отделами. В нем пока появился отрывок из «Дневника сорокатиной женщины» Жана Женно, о котором уже писалось в нашей печати; начиная со второй книги журнала печатается «Книга о самом себе» Теодора Драйзера.

Мы не имеем возможности разработать здесь в сущности статью об обширном и разнообразном критическом отделе «Интернациональной литературы» (а это следовало бы сделать). Ограничимся одним общим замечанием. Основным недостатком отдела следует считать малую плановость в его построении. Как единственное исключение, выделяется очень ценный в информационном отношении цикл статей о писателях современной Испании. Имея в виду этот коренной недостаток, приходится приветствовать имеющую видимость планирования и широко проводимую в журнале практику «прикрепления» к новому автору или произведению специальных критических статей. Так, например, уже упоминавшиеся «Холодьяки» Монтерлана сопровожда-

удит любить рабочего, оставался обобщенным, без индивидуального имени, в то же время приобретает такую внутреннюю жизненную пульсацию, что убеждает, внушает чувством энергии, мощи, титаничности. Исключительно ясное ощущение и ясное же осознание громадной славы, титаничности рабочего класса — вот что видела и воображала большевистская зоркость поэта и в чем было и остается художественное достоинство его произведений.

Неиндивидуализированный, обобщенный образ рабочего имеет некоторую мотивировку и в своеобразии языка пролетарата во революции. Поэт-большевик не мог не подчеркнуть в своем творчестве того общего, главного, «синтетического», на чем надо было сосредоточить внимание всех рабочих.

Этот стиль неиндивидуализированной типизации в известной мере сохраняется у Аполина и в его крупных поэтских произведениях, таких поэмах, как «Волхострой», «Шир-Канал». Но уже «Город». Из ленинградского поэмы обнаруживают и некоторые новые стилистические особенности, достигающие большего богатства конкретных образов.

Большевистская партийность, глубоко вкорененная в творчество Аполина, сказывается и в духе, и в содержании его творчества, и в самом выборе тем и мотивов.

Это наше себе яркое выражение в том, что Аполин одним из первых в армянской поэзии воспел Ленина, первый воспел гений товарища Сталина.

Поэма «Волхострой», датированная 1 февраля 1935 г., представляет собой не обычную эпическую вещь, которой по прописям «теории словесности» полагалось «объективно повествовать», а скорее величавую оду, глубоко лиричную по тому поэтическому восторгу и чувству, я бы сказал, возмуженного, которые напоминают настроением Гете и Пушкина. Это—ода социалистической электрификации, ее великим индустриалам и творцам — Ленину и Сталину.

Сильная, чрезвычайно поучительная поэма. Она — замечательное свидетельство того, как большевистская действительность и идейность поэта позволяют ему вечно не только находить, но и опережать стиль поэмы—одну, восхваляющий героизм, величие, мужество и мудрость нашей партии, наших учителей и вождей, творящих социализм во главе масс. Какую серость мысли, отсутствие большевистского понимания проявила те, кто в своих критических очерках об Аполине чуть ли не с пренебрежением констатировали, что «поэмы Аполина — «Бог заговорили», «Большевик Шир-Канал», «Волхострой» — хвалебные гимны советскому строительству и, стыдно сказать, на этом основании ограничивали значение поэта лишь его пролыми докторскими произведениями.

«Волхострой», «Шир-Канал» большевистские, «Фрагменты из ленинградского поэмы» отвечают на вопрос поставленный в предисловии к сборнику стихов и проза Аполина — лирик или эпик Аполин. Автор предисловия решает вопрос «оригинально» — «не лирик и не эпик, а революционный публицист в поэзии». Но дать такую оценку — значит отказать Аполину в праве быть поэтом. Это неверно, не обоснованно и ни в коем случае недопустимо. Аполин — подлинный поэт, поэт революционер-большевик. Как поэт, он пользуется и эпосом и лирикой. Отличительная черта его поэмы — их глубокая революционная

«Волхострой», «Шир-Канал» большевистские, «Фрагменты из ленинградского поэмы» отвечают на вопрос поставленный в предисловии к сборнику стихов и проза Аполина — лирик или эпик Аполин. Автор предисловия решает вопрос «оригинально» — «не лирик и не эпик, а революционный публицист в поэзии». Но дать такую оценку — значит отказать Аполину в праве быть поэтом. Это неверно, не обоснованно и ни в коем случае недопустимо. Аполин — подлинный поэт, поэт революционер-большевик. Как поэт, он пользуется и эпосом и лирикой. Отличительная черта его поэмы — их глубокая революционная

«Волхострой», «Шир-Канал» большевистские, «Фрагменты из ленинградского поэмы» отвечают на вопрос поставленный в предисловии к сборнику стихов и проза Аполина — лирик или эпик Аполин. Автор предисловия решает вопрос «оригинально» — «не лирик и не эпик, а революционный публицист в поэзии». Но дать такую оценку — значит отказать Аполину в праве быть поэтом. Это неверно, не обоснованно и ни в коем случае недопустимо. Аполин — подлинный поэт, поэт революционер-большевик. Как поэт, он пользуется и эпосом и лирикой. Отличительная черта его поэмы — их глубокая революционная

«Волхострой», «Шир-Канал» большевистские, «Фрагменты из ленинградского поэмы» отвечают на вопрос поставленный в предисловии к сборнику стихов и проза Аполина — лирик или эпик Аполин. Автор предисловия решает вопрос «оригинально» — «не лирик и не эпик, а революционный публицист в поэзии». Но дать такую оценку — значит отказать Аполину в праве быть поэтом. Это неверно, не обоснованно и ни в коем случае недопустимо. Аполин — подлинный поэт, поэт революционер-большевик. Как поэт, он пользуется и эпосом и лирикой. Отличительная черта его поэмы — их глубокая революционная

«Волхострой», «Шир-Канал» большевистские, «Фрагменты из ленинградского поэмы» отвечают на вопрос поставленный в предисловии к сборнику стихов и проза Аполина — лирик или эпик Аполин. Автор предисловия решает вопрос «оригинально» — «не лирик и не эпик, а революционный публицист в поэзии». Но дать такую оценку — значит отказать Аполину в праве быть поэтом. Это неверно, не обоснованно и ни в коем случае недопустимо. Аполин — подлинный поэт, поэт революционер-большевик. Как поэт, он пользуется и эпосом и лирикой. Отличительная черта его поэмы — их глубокая революционная

«Волхострой», «Шир-Канал» большевистские, «Фрагменты из ленинградского поэмы» отвечают на вопрос поставленный в предисловии к сборнику стихов и проза Аполина — лирик или эпик Аполин. Автор предисловия решает вопрос «оригинально» — «не лирик и не эпик, а революционный публицист в поэзии». Но дать такую оценку — значит отказать Аполину в праве быть поэтом. Это неверно, не обоснованно и ни в коем случае недопустимо. Аполин — подлинный поэт, поэт революционер-большевик. Как поэт, он пользуется и эпосом и лирикой. Отличительная черта его поэмы — их глубокая революционная

«Волхострой», «Шир-Канал» большевистские, «Фрагменты из ленинградского поэмы» отвечают на вопрос поставленный в предисловии к сборнику стихов и проза Аполина — лирик или эпик Аполин. Автор предисловия решает вопрос «оригинально» — «не лирик и не эпик, а революционный публицист в поэзии». Но дать такую оценку — значит отказать Аполину в праве быть поэтом. Это неверно, не обоснованно и ни в коем случае недопустимо. Аполин — подлинный поэт, поэт революционер-большевик. Как поэт, он пользуется и эпосом и лирикой. Отличительная черта его поэмы — их глубокая революционная

«Волхострой», «Шир-Канал» большевистские, «Фрагменты из ленинградского поэмы» отвечают на вопрос поставленный в предисловии к сборнику стихов и проза Аполина — лирик или эпик Аполин. Автор предисловия решает вопрос «оригинально» — «не лирик и не эпик, а революционный публицист в поэзии». Но дать такую оценку — значит отказать Аполину в праве быть поэтом. Это неверно, не обоснованно и ни в коем случае недопустимо. Аполин — подлинный поэт, поэт революционер-большевик. Как поэт, он пользуется и эпосом и лирикой. Отличительная черта его поэмы — их глубокая революционная

«Волхострой», «Шир-Канал» большевистские, «Фрагменты из ленинградского поэмы» отвечают на вопрос поставленный в предисловии к сборнику стихов и проза Аполина — лирик или эпик Аполин. Автор предисловия решает вопрос «оригинально» — «не лирик и не эпик, а революционный публицист в поэзии». Но дать такую оценку — значит отказать Аполину в праве быть поэтом. Это неверно, не обоснованно и ни в коем случае недопустимо. Аполин — подлинный поэт, поэт революционер-большевик. Как поэт, он пользуется и эпосом и лирикой. Отличительная черта его поэмы — их глубокая революционная

«Волхострой», «Шир-Канал» большевистские, «Фрагменты из ленинградского поэмы» отвечают на вопрос поставленный в предисловии к сборнику стихов и проза Аполина — лирик или эпик Аполин. Автор предисловия решает вопрос «оригинально» — «не лирик и не эпик, а революционный публицист в поэзии». Но дать такую оценку — значит отказать Аполину в праве быть поэтом. Это неверно, не обоснованно и ни в коем случае недопустимо. Аполин — подлинный поэт, поэт революционер-большевик. Как поэт, он пользуется и эпосом и лирикой. Отличительная черта его поэмы — их глубокая революционная

«Волхострой», «Шир-Канал» большевистские, «Фрагменты из ленинградского поэмы» отвечают на вопрос поставленный в предисловии к сборнику стихов и проза Аполина — лирик или эпик Аполин. Автор предисловия решает вопрос «оригинально» — «не лирик и не эпик, а революционный публицист в поэзии». Но дать такую оценку — значит отказать Аполину в праве быть поэтом. Это неверно, не обоснованно и ни в коем случае недопустимо. Аполин — подлинный поэт, поэт революционер-большевик. Как поэт, он пользуется и эпосом и лирикой. Отличительная черта его поэмы — их глубокая революционная

«Волхострой», «Шир-Канал» большевистские, «Фрагменты из ленинградского поэмы» отвечают на вопрос поставленный в предисловии к сборнику стихов и проза Аполина — лирик или эпик Аполин. Автор предисловия решает вопрос «оригинально» — «не лирик и не эпик, а революционный публицист в поэзии». Но дать такую оценку — значит отказать Аполину в праве быть поэтом. Это неверно, не обоснованно и ни в коем случае недопустимо. Аполин — подлинный поэт, поэт революционер-большевик. Как поэт, он пользуется и эпосом и лирикой. Отличительная черта его поэмы — их глубокая революционная

«Волхострой», «Шир-Канал» большевистские, «Фрагменты из ленинградского поэмы» отвечают на вопрос поставленный в предисловии к сборнику стихов и проза Аполина — лирик или эпик Аполин. Автор предисловия решает вопрос «оригинально» — «не лирик и не эпик, а революционный публицист в поэзии». Но дать такую оценку — значит отказать Аполину в праве быть поэтом. Это неверно, не обоснованно и ни в коем случае недопустимо. Аполин — подлинный поэт, поэт революционер-большевик. Как поэт, он пользуется и эпосом и лирикой. Отличительная черта его поэмы — их глубокая революционная

Борис Пастернак

ЯРОПОЛК СЕМЕНОВ

Асеев передает слова Есенина, сказанные в их последнюю встречу: «Ты думаешь, я не мастер? Думаешь, мне самому не отратно романос писать? Я это нарочно делал: надо держом рот забить, надо на фунт помолу — пуд науоу давать, тогда теб слышать буду. А яича всю жизнь ПАСТЕРНАКОМ просидел...»

А в 1928 г. Пастернак, в ответ на обшистную анкету газеты «Читатель и писатель» о взаимоотношениях авторов со своими читателями, вышачал следующие:

«От читателя я ничего не хочу и не желаю. Б. Пастернак».

И однако в наши дни на всех вечерах с участием Пастернака зал ва в состоянии восторга и восторга. Пастернак, Пастернак «Магомет пошел в горы!»

Безусловно громадным толчком в этом стремлении читателя к Пастернаку явился I Всероссийский съезд писателей.

В сентябре прошлого года мне пришлось быть с бригадой молодых писателей в Сочи. На нашем вечере в санатории руководители партработников все аяписки содержали просьбу прочесть Пастернака.

Я читал. Картина напоминала не литературный концерт, а лекцию по высшей математике: слушатели не аплодировали, не переживали; вслушивались, думали, явно не понимали и однако просили читать еще и еще. Аудитория ответственных партийцев считала себя обязанной попеть Пастернака.

Сейчас подобная картина типична для любой аудитории. Массовый читатель хочет знать крупнейшего поэта страны. Между тем, все ищущие до сих пор о Пастернаке (И. Френбург, М. Цветаева, С. Парнок, И. Пастернак, А. Тарасенков, А. Селивановский и др.) мало способствовали читателю в освоении стихов этого сложнейшего поэта: воздержались от расщепления стихов, а потому что расщепления стихов, а потому что расщепления стихов, а потому что расщепления стихов...

«Моя похвалы и мои восхищения, мои словословия, мои похвалы...»

«Я понял жизни цель и что твоя цель, как цель и эта цель...»

«...потомком на пакеты и нам под КЕТУ и ПАЙКИ. Или ПОКУПКИ ПРИПАСОВ и КРУП...»

«...потомком на пакеты и нам под КЕТУ и ПАЙКИ. Или ПОКУПКИ ПРИПАСОВ и КРУП...»

Борис Пастернак

Характерно, что будучи столь словоно богатым, Пастернак, как правило, не пользуется приемом выявления стилизованных оттенков стиха путем употребления соответствующих синдигических слов (принесом, разработанными еще Ломоносовым и употребленными почти всеми русскими поэтами с XVIII столетия до наших дней). Даже Маяковский, несмотря на собственное признание в отращении «ко всему древнему, ко всему церковному и ко всему славянскому», в нафобных местах своих стихов употребляет классический прием русской поэзии — передачу торжественности путем введения церковнославянских слов: «Вашей вина в гласного здравие подопьем...», «Глаголом гонимый орд в терновом венце...» и т. д. Подобные же словориторические приемы легко обнаруживаются и у всех остальных советских поэтов. Пастернак же, казалось бы, шире всех могущий применять этот прием при его запасе слов, им, повторяю, не пользуется.

Возьмем строфы из стихотворения «Облаченные творчеством»: «Облаченные творчеством, «Облаченные творчеством»...

А в саду, где из погроба, об льду Звезда благоуханно разрыхлась. Соловьем над поэю Изольды. Захлебнулась Тристанова заповодь. «Тристан», «Изольда», «соловей», «поэ», «благоуханно», — слова одного порядка, собственные русской традиционной поэтической речи; и тут же слова крестьянского лексикона: «захлебнулась», «об льду», «заповодь»; и сюда же вошло жаргонное уличное слово: «разрыхлась!»

«Вся это приводит к твердому убеждению, что Пастернак не воспринимает из живого общения с той или иной социальной средой, а подобно механистически: из книг, усиленно из окна вагона и т. д., а это в свою очередь навело на мысль, что в голы зарожения и роста поэтического черт, поэт был изолирован от какой бы то ни было социальной среды.

Поэт не был жизненно связан с общественными группами, создававшими язык, и потому их речь для него — чужеродная стихия.

«...40 лет работы».

Конечно, Аполина не проходил через влияние утонченной западноевропейской и русской лирики, сказав, социализма. У него были другие учителя. Выбор этно поэта Аполина был проликован связью Аполина с народными массами, с рабочим классом. Революционный содержание этого творчества питало и своеобразие стиля, жанра. Простота композиции, народные источники поэтического словаря, природа, как широко используемый материал для лепки образа, ассоциация, доходящие до опыта армянского рабочего, недвояно лишь ушедшего на деревню, — все это нужно учесть, чтобы объяснить отличие поэзии Аполина от тех требований, которые важно предъявляет все более усложняющийся вкус современного советского читателя в критике. Но разве это историческое отличие выводит творчество Аполина за пределы действительности в эпоху, охватывающих жанров поэзии? Конечно, нет.

Поэзия Аполина немаловажно что развилась рабочем движении в Закавказья. В своем целом она представляет поэтическое отображение трех великих революций, предомынных в особых условиях Закавказья.

Что важно, ценно у Аполина и, к сожалению, не отмечено в обстоятельном, вообще говоря, предисловии к его «Подному собранию», — это живое восприятие фольклора. Аполин щедро вводит фольклорные мотивы в свою поэзию, в особенности широко используя наследство эпических народных певцов. Черная на народном творчестве. Аполин щедро вводит фольклорные мотивы в свою поэзию, в особенности широко используя наследство эпических народных певцов.

Поэт говорит о Шираской равнине: «Как невеста, что тоскует по любви, — теперь она в зар, в зарбай, в зарбай, в зарбай...»

«...там же фигурирует выражения: наем, самт, т. е. в народной речи ухмы, лар и т. д.

«В «Городе» используется а большое чувством меры карабахский диалект.

В стихотворении, посвященном Атаркебу, встречается образ из старинной мифологии. А в поэме «Новое утро» любовные переживания были даны так, что невольно вспоминались кипучий темперамент, язык и образная цветистость великого Саат-Нови:

«Волнение сладкое во мне, Как над цветами аромат. Что замирает озвучивая? Жизнь у меня озвучивая? Сто живней мало для меня, Чтоб из тебя остаться сонная, На это счастье обменять. Как глубина морского дна, Порывом сил бушеет гряд.

В 1916 г. т. Ст. Шаумян писал: «В армянской действительности существует определенная общественная сила приходящая к самостоятельному армянскому пролетариату, для которого Аполин армянский поэт». Он является выразителем более и радости трудящегося класса, певцом его труда, его борьбы».

Родоначальник армянской пролетарской поэзии, поэт-большевик вполне заслуживает звание поэта рабочих и колхозных масс, строящих под генеральным водительство т. Сталина то бессловесное социалистическое общество, контуры которого так вдохновенно намечал Аполин в поэме «Равенство» еще в 1916 г.

«...и затем уже в конце фразы, спохватившись, вставляет обмание: Приваляется все. Лишь ТЕБЕ не дано примелькаться. Дни проходит И годы проходят И тысячи тысячи лет. В белой рынкости волни, В белой рынкости аций, Может Ты то их, МОРЕ, И свидашь и свидашь на-нет.

«...и затем уже в конце фразы, спохватившись, вставляет обмание: Приваляется все. Лишь ТЕБЕ не дано примелькаться. Дни проходит И годы проходят И тысячи тысячи лет. В белой рынкости волни, В белой рынкости аций, Может Ты то их, МОРЕ, И свидашь и свидашь на-нет.

«...и затем уже в конце фразы, спохватившись, вставляет обмание: Приваляется все. Лишь ТЕБЕ не дано примелькаться. Дни проходит И годы проходят И тысячи тысячи лет. В белой рынкости волни, В белой рынкости аций, Может Ты то их, МОРЕ, И свидашь и свидашь на-нет.

«...и затем уже в конце фразы, спохватившись, вставляет обмание: Приваляется все. Лишь ТЕБЕ не дано примелькаться. Дни проходит И годы проходят И тысячи тысячи лет. В белой рынкости волни, В белой рынкости аций, Может Ты то их, МОРЕ, И свидашь и свидашь на-нет.

«...и затем уже в конце фразы, спохватившись, вставляет обмание: Приваляется все. Лишь ТЕБЕ не дано примелькаться. Дни проходит И годы проходят И тысячи тысячи лет. В белой рынкости волни, В белой рынкости аций, Может Ты то их, МОРЕ, И свидашь и свидашь на-нет.

«...и затем уже в конце фразы, спохватившись, вставляет обмание: Приваляется все. Лишь ТЕБЕ не дано примелькаться. Дни проходит И годы проходят И тысячи тысячи лет. В белой рынкости волни, В белой рынкости аций, Может Ты то их, МОРЕ, И свидашь и свидашь на-нет.

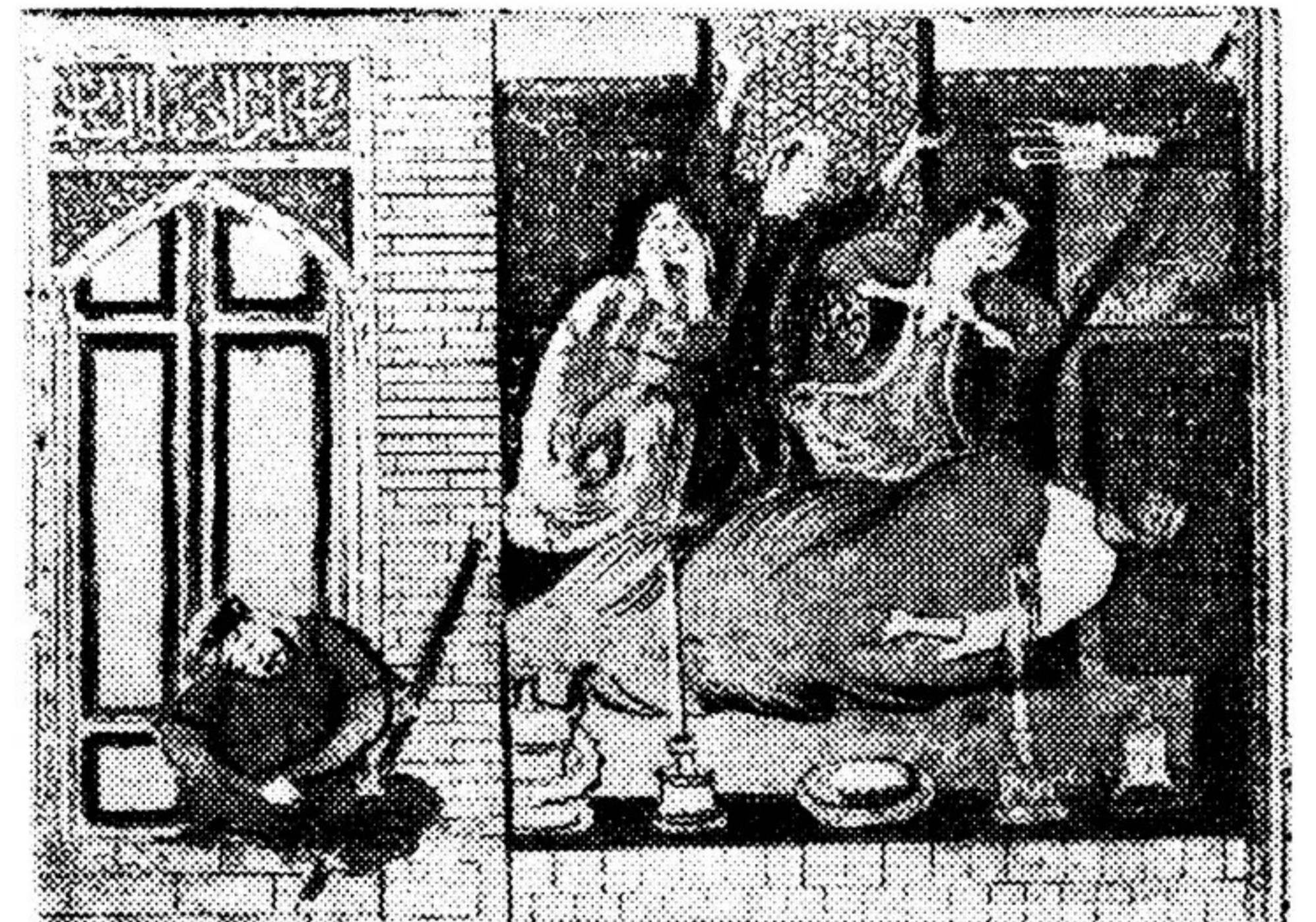
«...и затем уже в конце фразы, спохватившись, вставляет обмание: Приваляется все. Лишь ТЕБЕ не дано примелькаться. Дни проходит И годы проходят И тысячи тысячи лет. В белой рынкости волни, В белой рынкости аций, Может Ты то их, МОРЕ, И свидашь и свидашь на-нет.

«...и затем уже в конце

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЖАНРЕ

К Н И Г И

К Ш МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ ПО ИРАНСКОМУ ИСКУССТВУ

Миниатура из рукописи Неами «Оплакивание Хосрова».

„Года“

Эта книга избранных стихов охватывает творчество Елизаветы Полонской за пятнадцать лет. Она показывает нам культурного и умного поэта с довольно широким кругом интересов. Она ведет нас через этапы его роста: от уверенно подражательных «камерных» стихов, в которых слышится голос Алехина, до самостоятельной социальной тематики. И наконец, эта книга радуется нас своей творческой добросовестностью: в ней совершенно нет сырых или неудачных вещей и вся она от начала до конца выдержана на хорошем уровне высокой поэтической грамотности.

Этим, конечно, не исчерпываются положительные черты книги. Можно было бы поговорить еще о ее отдельных мотивах, хотя бы соотечественники очень личные женские чувства с общим ощущением эпохи, в которой поэтическая способность Елизаветы Полонской развивается наиболее полно. Можно было бы не без интереса рассмотреть и такое явление, как углубление социальной темы в ее поэзии. Можно было бы процитировать не один десяток стихов, звучных почти полностью и во всяком случае, свежо. Но все это имело бы смысл только в том случае, если бы мы говорили о начинающем и нуждающемся в поощрении поэте, или о таком поэте, творчество которого несет в себе больше и еще нераскрывшиеся возможности. Елизавета Полонская — поэт вполне сложившийся, и думать, пора уже перейти в отношении ее творчества от безразличной добросовестности к частным оценкам и высказываниям более решительным, более широким и быть может, более приставленным. Вот тут-то и обнаруживается, что сумма частных достоинств ее поэзии не столь значительна, чтобы уравновесить ее организические недостатки.

Как часто умение писать стихи мы принимаем за внутреннюю полноту поэтического таланта! Нельзя сказать, что Елизавета Полонская талантливо владеет своим стихом, что этот талант — неслучайного залегания, и что в очень многих случаях стихи Полонской итываются не им, а ее поэтической остротой и хорошим поэтическим слухом. Когда она писала стихи, в которых акмеистические формы и ритмические конструкции кажутся искусственными, когда в них нет той единственной мысли, которая могла бы служить основой для поэтической конструкции, она писала стихи, в которых акмеистические формы и ритмические конструкции кажутся искусственными, когда в них нет той единственной мысли, которая могла бы служить основой для поэтической конструкции.

„На подъеме“

Брошенный журнал «На подъеме» вышед в свет после длительного перерыва. Еще в феврале этого года красным партийным комитетом были вынесены решения, отмечающие серьезный прорыв в работе Азово-Черноморской организации писателей, призывающие больше внимания к классово-враждебным элементам в среде писателей, наличие архаичности и каприза, бытовой разнузданности и каприза и отсутствие серьезной помощи рабочему и колхозному интеллигентному молодому.

Опыт из показателей положительный в организации писателей Азово-Черноморья, творчеством назывались «старомосковский» и «разношерстная», а на деле не только не отражали больших успехов социалистического строительства, но и содержавший ряд понятий, упущенных и прямо классово-враждебных произведений.

Решение Крайкома ВКП(б) является и постановка на очередь освобождение рядов писательской организации от примазавшихся к ней людей и выдвинутую ряд основных мер, которые должны оздоровить обстановку среди писателей, приложить их к массам, а литературкам завладеть их собственными силами.

Редакторский состав журнала «На подъеме» отражает некоторые результаты этой оздоровительной работы. Посвященные страницы номера переписаны документами, связанными с прошлым годом (решение Крайкома ВКП(б), соответствующий «Прялки» — «Литературное дело в Ростове» и статья Г. Ставского «О литературном Ростове») — редакция тем самым подтверждает свои исходные позиции в развертывании дальнейшей работы журнала на новой основе. И надо сказать, что по подбору материалов, как в смысле тематики, так и по художественному качеству, — журнал безусловно оказался на высоте, журнал безусловно оказался на высоте, журнал безусловно оказался на высоте.

Молодому писателю, взявшемуся за большую, эстетского масштаба, тему, можно позавидовать, тем не менее, не только потому, что он берет на себя тему, которую не берут другие, но и потому, что он берет на себя тему, которую не берут другие, но и потому, что он берет на себя тему, которую не берут другие.

В первой половине повести выведены персонажи, действующий господин Польский и большевик Петляков. В первой половине повести выведены персонажи, действующий господин Польский и большевик Петляков.

Окончание в следующем номере.

К Ш МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ ПО ИРАНСКОМУ ИСКУССТВУ

Изображение Фидрауса на камне.

Традиционный русский исторический роман строится на подчинении основной исторической материи специально разработанной вымышленной интриге, обычно любовно-авантюрного характера. Против этой действительности материи в историческом романе протестовала книга О. Сенковского в рецепции на «Машу» Булгарина.

«А я люблю исторические романы — я люблю нравственность, — провозглашал он. — Душе моей протестовало в руках незаконно рожденного ребенка: исторический роман, по моему, есть любовный роман по роду, без племени, плод сознательного преподавания истории с воображением. Исторический роман, который можно считать чрезвычайно легким родом высшего произведения... есть самое трудное и опасное для дарования дело потому, что это урод, составленный из двух разрозненных и противоположных начал...» (О. Сенковский «Исторический роман».)

Знаменательно, что только после революции исторический роман обрел облик от истинно человеческого флора истории с воображением и перестал быть «уродом, составленным из двух разрозненных и противоположных начал». История вышла из нем своего законного места.

«Юхля» и «Смерть Ваира Мухтара» Тынянова представляют собой и наиболее интересный этап в развитии исторического романа. Тынянов не случайно посвятил свое исследование именно Тынянову.

Книга Тынянова в методологическом отношении — серьезная критическая работа.

Исследуя историческую философию Тынянова и систему ее литературного выражения, Тынянов не разрабатывает их, стремится показать их органическую связь и обусловленность, тем самым избегая дуализма формы и содержания.

Тынянов с достаточной убедительностью обосновывает, что метод изображения исторических событий историческим фабулизмом («Смерть Ваира Мухтара», что связь вещей и событий в том же романе важна для того, чтобы показать, как закономерность исторического процесса реализуется не только в крупных исторических событиях, но и в потоке мелочей, что примысленного монолога в конечном счете стирают грань между субъектом и объектом и психологизируют историю.

Тынянов справедливо высмеивает лживую проверку беллетристики учебником истории, по протесту против главного сличения учебника истории с историческим романом, Тыняновпадает в противоположную крайность. По мнению Тынянова вопрос об использовании писателем документального исторического материала вообще незаконен и при исследовании его ни к каким плодотворным результатам привести нельзя. Мнение это, конечно, не только лживо, но и ошибочно. Конечно, не только лживо, но и ошибочно. Конечно, не только лживо, но и ошибочно.

Тынянов относит хронологический принцип исследования, заявляя, что хронологическая точность отнюдь не должна быть его (критика) постоянной добродетелью.

Пренебрежение к хронологии приводит Тынянова к ошибочному выводу. Он анализирует «Юхлю» после «Смерти Ваира Мухтара» и пишет, что эти романы Тынянова — разные линии, разные направления, разные тенденции его литературного творчества.

Вывод несправедливый. «Юхля» и «Ваир Мухтар» — одна линия развития. Тынянов доверяет им, изменяя язык исторического романа, и превращает в «вблуду шапала». Тынянов реализует этот парадоксальный детерминизм в своих метафорах.

Условно замещенного человека его костюмом или частью тела в «Ваир Мухтаре» предшествует прием лейт-мотивных характеристик в «Юхле», где второстепенные персонажи заменяются одним эпитетом, одной деталью костюма, одним характерным словом, которые делаются типическими знаками.

Стилистика «Ваир Мухтара» определена «Юхлей» и рядом других приемов — повествованием в настоящем времени, итонгаонционным дроблением фразы, методом использования стиховых цитат и эпиграфов.

Учитывая в этих романах две разные тенденции литературного развития Тынянова — добровольно, Тынянов на актуализации исторического материала, Тынянов в же время с позиций школьного историзма критикует главу о фиктивной карьере мертвого Грибоедова. Тынянов выкидывает Тынянову отход от документальности и произвольное обращение с историческим материалом. Тынянов задал, чем было обусловлено отношение Петербургского двора к смерти Грибоедова, но ему была важна не пассивная документация, а субъективная оценка этого факта.

Тынянов в целом с точки зрения исторической достоверности, критикует Тынянова Тынянова за ту роль, которую он отдал английскому империализму в убийстве Грибоедова.

Нельзя согласиться с Тыняновым в некоторых его оценках. Неправильны, например, его резко отрицательная оценка «Подпоручика Кизяка». Тынянов потому полагает, что в «Подпоручике Кизяке» — история не составляет основного интереса автора. Тынянов утверждает, что Тынянов интересовался лишь сыном построения фабулы на отсутствующем герое. Произвольное изложение авторского замысла и узко формалистический подход к жанру анекдота правдив Тынянова к тому, что он не задал социальную функцию «Кизяка», выходящую за пределы отношения Тынянова к революционному прошлому и поставил эту вещь на одну ниточку с «Малолетним Ветушницкиным», «Подпоручик Кизяк» — исторический протекс с четкой выраженной политической установкой. Сводить его, как это делает Тынянов, к формальному эксперименту — по меньшей мере ошибочно.

Недостаточно внимательно проанализировал Тынянов и «Восковую персону». В «Восковой персоне» Тынянов действительно ушел в сторону от исторических мастрадел. Историческое произведение Тынянов доверяет им, изменяя язык исторического романа, и превращает в «вблуду шапала». Тынянов реализует этот парадоксальный детерминизм в своих метафорах.

Тынянов в целом с точки зрения исторической достоверности, критикует Тынянова Тынянова за ту роль, которую он отдал английскому империализму в убийстве Грибоедова.

Нельзя согласиться с Тыняновым в некоторых его оценках. Неправильны, например, его резко отрицательная оценка «Подпоручика Кизяка». Тынянов потому полагает, что в «Подпоручике Кизяке» — история не составляет основного интереса автора. Тынянов утверждает, что Тынянов интересовался лишь сыном построения фабулы на отсутствующем герое. Произвольное изложение авторского замысла и узко формалистический подход к жанру анекдота правдив Тынянова к тому, что он не задал социальную функцию «Кизяка», выходящую за пределы отношения Тынянова к революционному прошлому и поставил эту вещь на одну ниточку с «Малолетним Ветушницкиным», «Подпоручик Кизяк» — исторический протекс с четкой выраженной политической установкой. Сводить его, как это делает Тынянов, к формальному эксперименту — по меньшей мере ошибочно.

Оборудованная камерой, монетария, мрачным и бессмысленным анекдотом. Но парадокс в этом, парадокс с ироничными М-режиссерами, парадокс с декоративными архаизмами в «Восковой персоне» есть и интересная стилистическая особенность. Тынянов доверяет им, изменяя язык исторического романа, и превращает в «вблуду шапала». Тынянов реализует этот парадоксальный детерминизм в своих метафорах.

Несомненное влияние на стиль Тынянова оказало кино.

Примечательным параллелизмом, синхронизированном замещением человека частью тела или костюмом (сравни выделение крупным планом или музейным анонсами в «Конец Санкт-Петербурга»), устойчивый монтаж времени и пространства, — все это характерно как для поэмы кино, так и для стиля Тынянова.

Разрешение действия не по горизонтали (фабульное движение), а по вертикали — один из основных приемов смыслового монтажа (Шенгелити, Довженко, Пудовкин). Так работает и Тынянов.

Последнее, что Тынянов в своей серьезной работе допускает в области формы, а какие-то логические лягушки.

Тынянов с удивлением читает следующие «парадоксальные» утверждения: «Но эти высокие особенности мастера художника (речь идет об умении использовать исторический документ Т. Г.) — только случайное следствие недостатков метода... Объяснить высокие мастерские недостатки методами... Надо полагать, что это погреху оплошности».

Учитывая в этих романах две разные тенденции литературного развития Тынянова — добровольно, Тынянов на актуализации исторического материала, Тынянов в же время с позиций школьного историзма критикует главу о фиктивной карьере мертвого Грибоедова. Тынянов выкидывает Тынянову отход от документальности и произвольное обращение с историческим материалом. Тынянов задал, чем было обусловлено отношение Петербургского двора к смерти Грибоедова, но ему была важна не пассивная документация, а субъективная оценка этого факта.

Тынянов в целом с точки зрения исторической достоверности, критикует Тынянова Тынянова за ту роль, которую он отдал английскому империализму в убийстве Грибоедова.

Борис Пастернак

ПРОДОЛЖЕНИЕ

В музыке различаются, как известно, три основных, складывающихся, элемента: 1) мелодия, т. е. сочетание различных тонов; 2) комплекс обертонов или тембральная окраска звуков и 3) ритм.

В поэзии же к понятию музыкальности относятся: 1) ритм и связанности с ним интонация и 2) фонетическая инструментальная («фонемная») — «мелодия», отсутствующая в музыке.

Следовательно, кроме ритма, в этих двух видах искусства совпадающих элементов нет.

Разберем же музыкальность стихов Пастернака, исходя из этих СТИХОТВОРНО-музыкальных элементов.

Во внешне виду Пастернак в большинстве случаев пользуется классической русской метрикой и пользуется крайне разнообразно. Но это, подчеркнем, лишь во внешне виду. По существу же Пастернак настолько удаляет логическую ритмику своих стихов от метрических схем, что смело можно утверждать, что он, как правило, пишет так называемый «свободный стих».

В самом деле, разве можно проследить в ритме ямба, хотя бы такую строчку, из «Снегосторжия»:

Гашу се. Темь. Я ни зги не вижу.
Сверхходное уларение в третьей строке, вызванное ударным словом «темь», вытесняет всю строчку на три стиха разных метров:

Гашу се (2-стопный ямпб)
Темь. (1-стопный хорей)
Я ни зги не вижу. (3-стопный хорей).

Вот как выглядит в чтении эта ложно-ямбическая строчка. А к какому метру можно отнести строчку:

Вдур с непослывательностью в мыслях...

Дольник?
Или это:
Вас как один, всяк за десятых..
И однако оба эти стиха стоят в пятистопном ямбическом ряду. И подобных стихов у Пастернака немало.

Или хотя бы:

Вырусь с ним, и брицанью декарба.
Тысячу дерь — и вот я. Корпоридор один.
«Сбы отуда? Что там говорят? Что спыщать? Какие спелны в горде?».

Можно ли в первом, разговорном языке этой строчки уловить некое

певучий пятистопный хорей, столь возлюбленный Бесениным:

Ты жива еще, мой старушка,
Жив и я, привет тебе, привет.....
Или в стихах:

Помешали. Продолжаю: решено —
Едем вместе, это мне должно
зачесться.....
разрешенный плясовой шестистопный хорей:

Ах, ты сукин сын, казвинский
мушка.

Пастернак всегда умеет придать новое, свое звучание любому, самому застарелому размеру. Какие неожиданные и многообразные ритмические ходы само он, например, найдет, казалось бы, в тавтологичном и непервозданным пятистопном анапесте («905 год») от эпически спокойного рассказа:

Мне четырнадцать лет.
Вхутемас
Еще — шпола вянья,
В том крыле, где Рабфан,
Наверху,
Мастерская отца. ....
до вавилонованной скороговорки:

И уж вот
У господ
Расшибают пожарные снасти
И громадами зарев
Командует море бород
И орудует страсть
И орудуют конные части
И бошует:
Вставай,
Подымайся
Рабочий народ.

Ритмы Пастернака, внешне прилежные канонической метрике, на деле определяются лишь ее «поэтической дышаемостью» и теснейшими особенностями его вавилонованной речи. Не даром у него так часто и так легко ему удаются переходы в пределах одного стихотворения от одного метра к другому:

Ритмы Пастернака, внешне прилежные канонической метрике, на деле определяются лишь ее «поэтической дышаемостью» и теснейшими особенностями его вавилонованной речи. Не даром у него так часто и так легко ему удаются переходы в пределах одного стихотворения от одного метра к другому:

врывающаяся раскатами шпеновского «Фенора» в разговорный анапестический ритм поэмы.

Говоря о которой музыкальной стороне стихов Пастернака — фонетике, — необходимо вернуться к вопросу его лексики.

Можно смело сказать, что звуковая сторона слова является для Пастернака единственным элементом, связующим крайние разрозненные слои его стихов. Только этим подделком к слову и оправдывается его лексическая неожиданность.

Так в стихотворении «Метель», построенном на газетном образе Варфоломеевской ночи, т. е. нелепо насыщенном старинно-европейской эпитетикой, вдруг встречается (уже упомянутое мною) типично средневековое выражение: «сполозар».

Почему?

Должно быть только потому, что в предыдущей строке употреблено сложное фонетически слово: «Лазер».

Что ЛАГЕРЕМ стали, что подняты на спицы Подонки творенья, метели на ПОЛЛАГОРЯ. ....

Также объясняется находление буржуйского слова: «задарма», в стихотворении «Вальзал», где два предшествующих слова — «срм» и «замолвелец» — правятся по звуковой близости к этому слову, столь чуждое содержанию и стилю стиха.

Этот принцип движения мысли по фонетическим ассоциациям можно проследить на любом стихотворении Пастернака и он не является тайной для самого поэта, признавшегося в этом во вступлении к «Снегосторжью»:

Привыкши выговаривать излом Певучейшей из жизни сладкой сайки....

Этот последний четкий к звуковой стороне слова, с одной стороны, характеризующий Пастернака как подлинного поэта, но и повсюду всегда ощущенные фонетиче повинуе, — с другой стороны (при этом слабости семантического поета), также необходимо для поэта, личный газ подтверждает мысль о том, что языковая стихия — это язык Пастернака, ибо фонетика является в области внимания элементом слова, элементом, легко воспринимаемым и истощающим.

Выводом является находление буржуйского слова: «задарма», в стихотворении «Вальзал», где два предшествующих слова — «срм» и «замолвелец» — правятся по звуковой близости к этому слову, столь чуждое содержанию и стилю стиха.

Этот принцип движения мысли по фонетическим ассоциациям можно проследить на любом стихотворении Пастернака и он не является тайной для самого поэта, признавшегося в этом во вступлении к «Снегосторжью»:

Привыкши выговаривать излом Певучейшей из жизни сладкой сайки....

Этот последний четкий к звуковой стороне слова, с одной стороны, характеризующий Пастернака как подлинного поэта, но и повсюду всегда ощущенные фонетиче повинуе, — с другой стороны (при этом слабости семантического поета), также необходимо для поэта, личный газ подтверждает мысль о том, что языковая стихия — это язык Пастернака, ибо фонетика является в области внимания элементом слова, элементом, легко воспринимаемым и истощающим.

Выводом является находление буржуйского слова: «задарма», в стихотворении «Вальзал», где два предшествующих слова — «срм» и «замолвелец» — правятся по звуковой близости к этому слову, столь чуждое содержанию и стилю стиха.

Этот принцип движения мысли по фонетическим ассоциациям можно проследить на любом стихотворении Пастернака и он не является тайной для самого поэта, признавшегося в этом во вступлении к «Снегосторжью»:

Привыкши выговаривать излом Певучейшей из жизни сладкой сайки....

Этот последний четкий к звуковой стороне слова, с одной стороны, характеризующий Пастернака как подлинного поэта, но и повсюду всегда ощущенные фонетиче повинуе, — с другой стороны (при этом слабости семантического поета), также необходимо для поэта, личный газ подтверждает мысль о том, что языковая стихия — это язык Пастернака, ибо фонетика является в области внимания элементом слова, элементом, легко воспринимаемым и истощающим.

Выводом является находление буржуйского слова: «задарма», в стихотворении «Вальзал», где два предшествующих слова — «срм» и «замолвелец» — правятся по звуковой близости к этому слову, столь чуждое содержанию и стилю стиха.

Этот принцип движения мысли по фонетическим ассоциациям можно проследить на любом стихотворении Пастернака и он не является тайной для самого поэта, признавшегося в этом во вступлении к «Снегосторжью»:

Привыкши выговаривать излом Певучейшей из жизни сладкой сайки....

Этот последний четкий к звуковой стороне слова, с одной стороны, характеризующий Пастернака как подлинного поэта, но и повсюду всегда ощущенные фонетиче повинуе, — с другой стороны (при этом слабости семантического поета), также необходимо для поэта, личный газ подтверждает мысль о том, что языковая стихия — это язык Пастернака, ибо фонетика является в области внимания элементом слова, элементом, легко воспринимаемым и истощающим.

„Дни прошедшие“

Молодому писателю, взявшемуся за большую, эстетского масштаба, тему, можно позавидовать, тем не менее, не только потому, что он берет на себя тему, которую не берут другие, но и потому, что он берет на себя тему, которую не берут другие, но и потому, что он берет на себя тему, которую не берут другие.

В первой половине повести выведены персонажи, действующий господин Польский и большевик Петляков. В первой половине повести выведены персонажи, действующий господин Польский и большевик Петляков.

Молодому писателю, взявшемуся за большую, эстетского масштаба, тему, можно позавидовать, тем не менее, не только потому, что он берет на себя тему, которую не берут другие, но и потому, что он берет на себя тему, которую не берут другие, но и потому, что он берет на себя тему, которую не берут другие.

В первой половине повести выведены персонажи, действующий господин Польский и большевик Петляков. В первой половине повести выведены персонажи, действующий господин Польский и большевик Петляков.

ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ МАЯКОВСКОГО

ПОЛЬ НИЗАН

Лит. Арагон, переход которого от современности к революции является одновременно великим примером переживания писателя и явления большой значимости во французской современной литературе...

тателем такой, какова она на самом деле. А читатель не всегда любит, чтоб пред ним вскрывали окружающую его действительность и чтобы ему показывали, каков он сам. Тут между повторить знаменитую фразу Маркса: «Нужно выпустить человеку сознание его сущности, даже если он этого не хочет».

Диапазон литературной работы Маяковского после революции несомненно с первым периодом его деятельности в труппе «Кубо-футурстов».

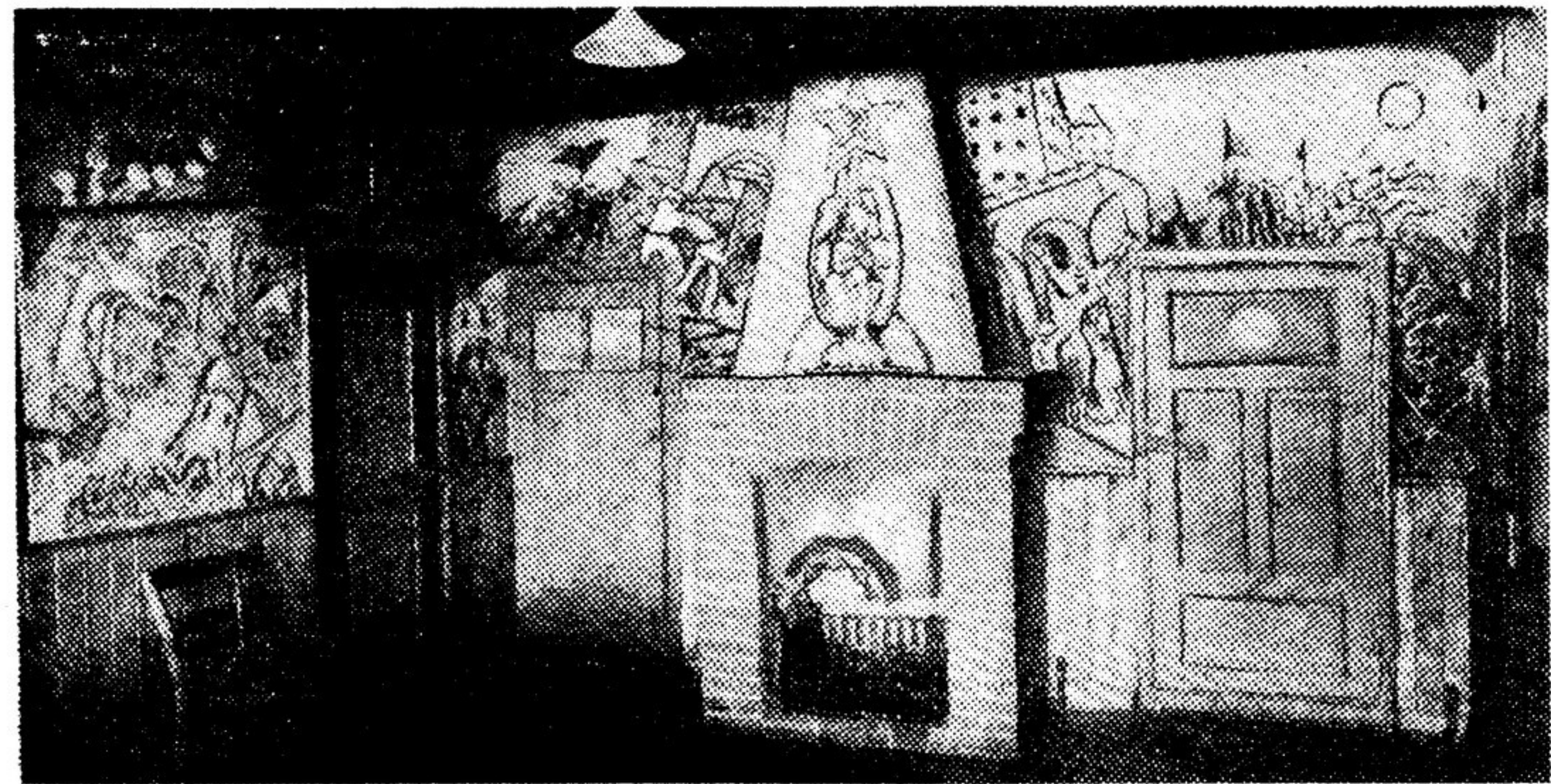
Мотивы агитационные встречаются почти в каждом стихотворении Маяковского. Именно поэтому сам Маяковский, распределяя по темам свои стихотворения, часто не мог точно установить их принадлежность к определенному жанру и классифицировал их очень произвольно.

Ушла направо баба, ушел налево поезд, каб не мужик, тогда бы — разрезало по пояс.

Уже исчез за звезды дым, мужик и баба скрылись. Просто трясся. А теперь бог — что надо. Много проше бог стал.

а у него — в жемчугах рся. При виде его гнев свой еще сдерживал. Просто трясся.

Художник Генц с Фогелер

Роспись детского дома МОПР в Вормсбэде (близ Бремена), Г. Фогелер

Генриха Фогелера знают и ценят как художника уже на рубеже нового века. Его метры от скачущих лавках и левых, о сонных и молодых девушках — мечтательные зарисовки и картины, стоящие в стороне от действительности — дорого оплачивались германским биргерством.

— вот две советские области, которые Фогелер предостаточно изображает. Эти большие работы Фогелера называют «комплексными картинами».

«Синтетический характер социализм в Советском союзе создавался в художественной фиксации одного какого-либо момента. Его картины являются результатом суммирования многих явлений реальности».

«Текстуры» (1933) и «Снежные работы в Карелии» (1934 г.) представляют собой первые полноценные работы Фогелера. Они — значительный шаг вперед в завоевании новых творческих возможностей социалистического реализма.

ЮБИЛЕИ

В этой книге все, сочиненное мною за десять лет и вехи, получившие право на отдельный отзвук, и мелочи, сорванные газетами и альманахами. Нами, футуристами, много открыто словесных Америк, ныне трудно догадываться, каковы были все эти, даже благодарно шаркающим от нас писателями.

ОДНОТОМНИК ЛЕРМОНТОВА*

Под скромным титулом «Избранные стихотворения и поэмы» скрывается, собственно, собрание большинства стихов Лермонтова, т. е. одотомник в 24 печатных листа, куда вошли все стихотворения после 1836 года и много ранних, а также 10 поэм.

ПИСАТЕЛЬ

Порой влюбляется он страстно в свою нарядную печаль. Ну, что вы пишете — нельзя ли знать? Да ничего. ПИСАТЕЛЬ. ЖУРНАЛИСТ.

1635—ЛОПЕ—де ВЕГА—1935

ГУМАНИСТ В РЯСЕ СВЯТЕЙШЕЙ ИНКВИЗИЦИИ „Перибаньес и командор Оканья“

«Явился великий Лопе, чудо природы... И стал единогласителем театальной сцены. Он взял на службу себе всех актеров и наполнил свет истерическим, прекрасно задуманным мимикриком...»

«Вопрос: в какой доде и до каких пределов предстал он истинный лик своего века в сотнях написанных им для театра пьес...»

«Однако, гуманистический «дух» нового времени пробивается в авторе, когда он с невольной симпатией изображает доблесть чуждого народа, его беззаветных воледей, его страшные муки в борьбе против чужеземных угнетателей...»

«Великий испанский поэт-драматург, тридцатилетие со дня смерти которого вспоминается 27 августа, у нас по существу почти неизвестен...»

«Хороших переводов нет. Лопе де Вега писал в стихах, и богатство его поэтического языка, равного которому нет, кажется, во всей мировой драматургии...»

«Касильяно, участник в ее основных переживаниях. Они поют и танцуют на свадьбе Перибаньеса; они борются у дверей его дома...»

Эскиз костюма командора худ. А. Тышлера

«Как в давно минувшие неповторимые времена крестовых походов, объединяется Испания вокруг святейшего римского трона, предают огню и мечу Нидерланды и Фландрию...»

«Фунте Овехуна — апология христианства против рыцарства. И вместе с тем «Фунте Овехуна» восхваляет идеализированную королевскую власть...»

«Поэту вполне достойным способом почтить память замечательного мастера — это познакомить читателя, хотя бы в суммарном изложении, с совершенно неизвестным у нас произведением Лопе де Вега...»

«Эта трагикомедия «Перибаньес и командор Оканья», написанная между 1600 и 1614 годами и впервые изданная в 1614 году...»

«Первый акт. Касильяно, прекрасная и добродетельная крестьянка, выходит замуж за Перибаньеса, молодого зажиточного крестьянина из Оканья...»

«Конфликт, положенный в основу «Перибаньеса», очень близок тем, на которых построены «Фунте Овехуна» и «Служивый альякаль»...»

«Перибаньес» нужен нам и для чтения и для постановки на сцене. Именно у нас, в Советском Союзе, произведение полуднонародное...»

«Лопе де Вега теодионичеем до мозга костей, если только так можно выразиться...»

«Завоевание Нового Света — одна из самых мрачных страниц истории человечества. В своих пьесах Лопе де Вега не раз обращался к этому подвигу прошлого современной ему испанской истории...»

«В покориении Ароко» командующий японской армией Гарома де Мендоза сперва обращает в христианство побежденного вождя Копликаста, а потом посылает его на покорение нового завоевания Сесмонстера...»

«Воплощенный в детстве в тох обманал, Кто был предом мною басильон и мал, Но дал тумана мне однажды смилч, И стал мне помятом обманенных плеч...»

«Беззаботно в детстве я тох обманал, Кто был предом мною басильон и мал, Но дал тумана мне однажды смилч, И стал мне помятом обманенных плеч...»

«Миниатюра на рукописи Сади, иллюстрированная Джейхом...»

«Миниатюра на рукописи Сади, иллюстрированная Джейхом...»

«С такою целью она пред нами В живом изображении разнавет, Все то, что мы в действительности видим, Все это смесь и ужасов и смеха, Печали, радости добра и зла...»

«Сравните с этой величественной программой художественного реализма знаменательный совет Гамлета актеру: «Будь верным зеркалом природы: превращай добродетель в ее величественных терках, а пороки в его безобразии, истинный лик века, его формы и отпечатки...»

«Сравните с этой величественной программой художественного реализма знаменательный совет Гамлета актеру: «Будь верным зеркалом природы: превращай добродетель в ее величественных терках, а пороки в его безобразии, истинный лик века, его формы и отпечатки...»

«Сравните с этой величественной программой художественного реализма знаменательный совет Гамлета актеру: «Будь верным зеркалом природы: превращай добродетель в ее величественных терках, а пороки в его безобразии, истинный лик века, его формы и отпечатки...»

«Сравните с этой величественной программой художественного реализма знаменательный совет Гамлета актеру: «Будь верным зеркалом природы: превращай добродетель в ее величественных терках, а пороки в его безобразии, истинный лик века, его формы и отпечатки...»

«Сравните с этой величественной программой художественного реализма знаменательный совет Гамлета актеру: «Будь верным зеркалом природы: превращай добродетель в ее величественных терках, а пороки в его безобразии, истинный лик века, его формы и отпечатки...»

«Сравните с этой величественной программой художественного реализма знаменательный совет Гамлета актеру: «Будь верным зеркалом природы: превращай добродетель в ее величественных терках, а пороки в его безобразии, истинный лик века, его формы и отпечатки...»

ПРОТИВ «КРИТИЧЕСКОЙ» НЕДОБОРОСОВЕСТНОСТИ

Ознакомившись со статьей критика Федорова, напечатанной в № 5 ленинградского журнала «Звезда», о переводах «Германия» Гейне и проверив путем сличения переводов тт. Тынянова и Пеньковского с подлинником гейневской поэмы степень компетентности и обоснованности критических выводов Федорова, бюро моносекции поэзии вынуждено заявить, что в данном случае имело место необоснованное и недобросовестное осуждение работы т. Пеньковского как переводчика поэмы Гейне.

Ношение не лишены существенных недостатков и отход от фактуры оригинала. Но и в том и в другом случае несомненно интересны и поведомые поиски новой переводной интерпретации бессмертного произведения Гейне.

Как показывают факты, критик Федоров, вопреки ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ В ОСНОВНОМ ОЦЕНКЕ РАБОТЫ тт. ПЕНЬКОВСКОГО СО СТОРОНЫ ЦЕЛОГО РЯДА КРИТИКОВ, осуждал ее как халтурную, низкопробную и оскорбляющую и извращающую оригинал, признавая даже перевод Пеньковского вредным. Утверждая такой вывод, критик совершенно незаносномерно прибег к противопоставлению работы Пеньковского переводу Ю. Тынянова, проявив в переводе последнего захлебывающуюся апологетическое отношение и прибегнув в обоснование наиболее тяжких обвинений против Пеньковского к подтасовкам и перерисовкам.

ЛЕРМОНТОВ — ДЕТАМ

Детям выдвигается для детей старшего возраста книга избранных произведений М. Ю. Лермонтова.

Из книг в сборник входят: «Ямал Бая», «Мцыри», «Тамбовская казначейша» и «Письмо царя Ивану Васильевичу». Проза представлена повестью «Герой нашего времени» и сказкой «Ашик-Нариб».

Сборник открывается биографическим очерком, написанным Б. М. Эйхенбаумом. Им же составлен комментарий.

Научный аппарат книги существенно отличается от обычных сухих

По поручению бюро секции поэзии НИИ. АСЕЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ.

В пятой книжке «Звезды» за этот год помещена статья А. Федорова «Германия» Гейне в четырех переводах, в которой автор недобросовестно критикует перевод «Германия» Г. Гейне, сделанный Пеньковским В.

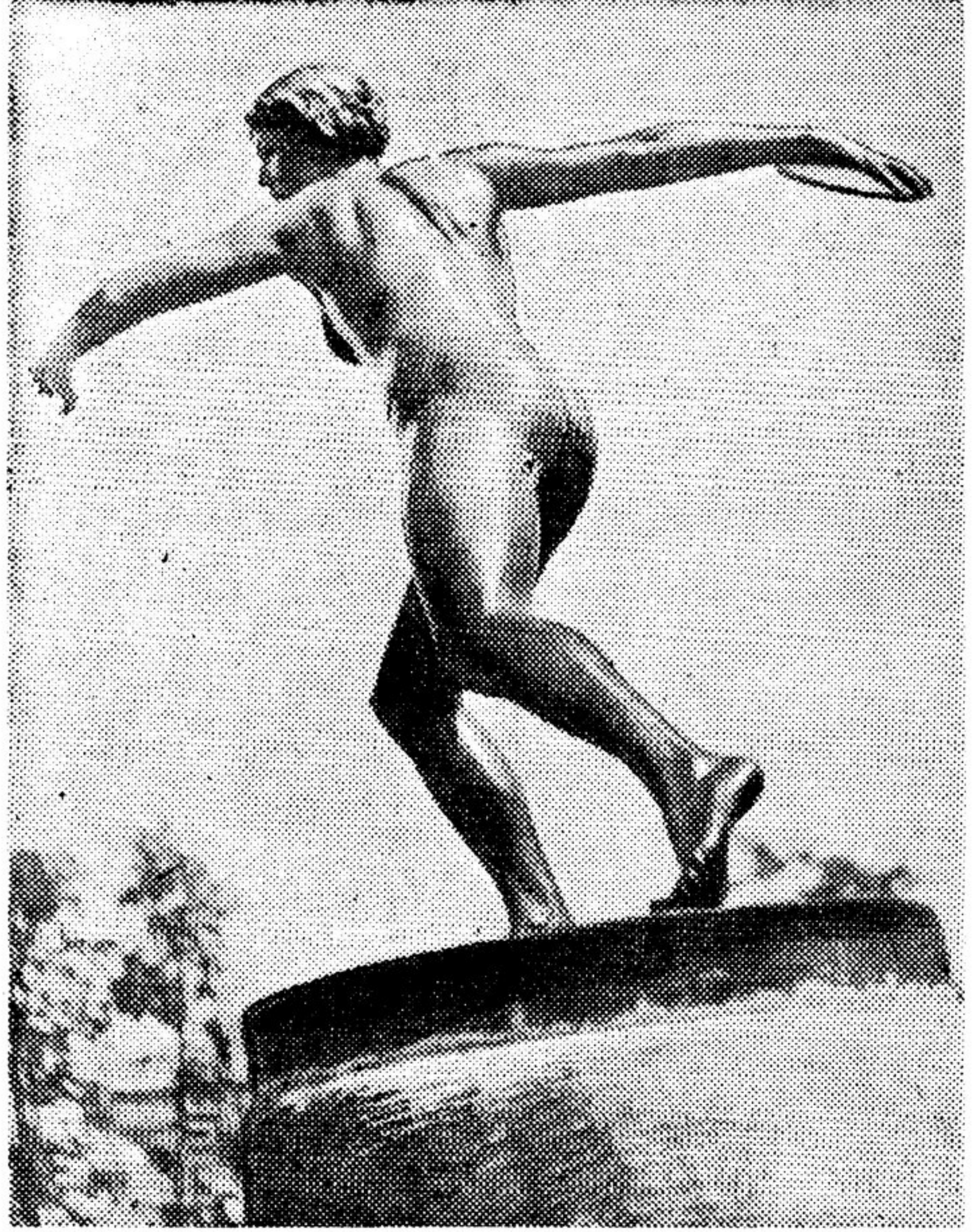
Помещая постановление бюро секции поэзии, рассмотревшей материал по этому делу, редакция в одном из ближайших номеров посвятит этому вопросу развернутую статью.

вступительных статей и примечаний школьных изданий классиков. Написанные в живой занимательной форме комментарии читаются как связный рассказ в творчестве Лермонтова.

Сборник иллюстрируется репродукциями и репродукциями картин на лермонтовские сюжеты крупнейших русских художников — Врубеля, Серова, Васнецова и др. Некоторые из этих иллюстраций появляются в книжке впервые.

Общее художественное оформление книги — Н. В. Ильина. Редактор — И. Халтурин.

В Центральном парке культуры и отдыха им. Горького

Скульптура «Дискометательница» работы Е. Янсон-Манизер.

Сурен Кочарьян ДЕКАМЕРОН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ЧТЕНИИ

Говорить о значении Декамерона, доказывать его художественные достоинства — значит домысливать в открытую дверь. Декамерон вместе с другими лучшими образцами мировой литературы имеет свое прочное и почетное место на книжной полке советского читателя. Интерес к этому прекрасному произведению растет вместе с общим культурным ростом советского читателя.

От новеллы о благородных королях и великодушных рыцарях и дамах. От новеллы, где Боккаччо выступает в метафорическом и ироническом, а не в реалистическом и ироническом, от новеллы о светской и романтической любви.

разное акцентирование простейших компонентов в ущерб главному и самому. Все это лишает повествование — абсолютно необходимой для живого слова — драматургической заостренности ситуаций и действия.

Совершенно очевидно также и то, что Декамерон — необычайно богатый материал для художников живого слова.

Декамерон в подавляющем большинстве новелл несет свою злободневность и остроту до наших дней.

Всю эту заметку и повествование превращает в серьезное литературное произведение, и все эти классические реминисценции, ставшие тусклыми и ненужными после того, как они сделали свое дело — попытка обоснования жанра. (Шиммарев. Подчеркнуто мной. — С. К.)

„БЫЛИ ГОРЫ ВЫСОКОЙ“

Товарищ Злыстовец — один из организаторов и руководителей работы по созданию сборника «Были Горы Высокой». Книга эта по достоинству оценена не только жюри нашей литературной, но и широкой партийно-общественностью, как труд, имеющий огромное воспитательное значение для нашей рабочей молодежи.

Вот почему чрезвычайно почетной является инициатива тов. В. Ставского по организации собрания руководителей московских литератур, на котором т. Злыстовец поделился опытом своей работы.

Основным выводом как из самой книги, так и из информации тов. Ставского является тот, что «Были Горы Высокой» — книга должинок массового энтузиазма. Неоднократно на Высочкой горе делались попытки организовать литературку, но все эти попытки ни к чему не привели. Мало кто увлекался идеей — собираться для литературной работы вообще.

Это, конечно, не снимает вопроса о недостатках руководства Высочкогорским работым литколлективом, причем в первую очередь, как совершенно правильно подчеркивает т. Ставский, нужно отметить такой недостаток, как игнорирование вопроса о подготовке новых кадров руководящего звена.

Я. Э.

ШЕСТИТОМНИК ГОРЬКОГО

Гослитиздат выпускает первые четыре книги шеститомного собрания избранных сочинений М. Горького. В первом томе помещена повесть «Мать», во втором — «Детство», в третьем — «В людях». Содержание четвертого тома: «Мои университеты», «Сторож» и «Хозяин».

В первом томе дана цветная вставка — портрет А. М. Горького работы художника П. Юрина.

Цена каждой книги 4 руб., тираж 25.000 экз.

ИЗБРАННОЕ — В. ИМБЕР

Гослитиздат выпускает «Избранные стихи» В. Имбера. В небольшом сборнике помещены почти все лучшие поэтические произведения Имбера. Стихи расположены в хронологическом порядке и дают ясное представление о творческом пути поэта с 1912 г. до наших дней.

РОМАН О СОВРЕМЕННОЙ ПОЛШЕ

Е. Гонзата вышел в переводе В. Гонзата роман Генрика Држевницкого «Кисловца». Это первое большое произведение молодого польского писателя. В книге изображены один из участков классовой борьбы в современной Польше: борьба безработных против принудительного выселения их из квартир, борьба за улучшение жилищных условий.

Цена книги 3 р. 50 к., тираж 10.000 экз.

Нонный пробег Ашхабад—Москва. Участники пробега комсомолец тов. Сатаран Алты (Тедженский район) порт своего коя.

Стихотворениях предпослана небольшая вступительная статья А. Сегианова.

Цена сборника 5 руб., тираж 5.000 экз.

В выходные дни — самоотчеты товарищей, единичные в творчестве коммандиров (Б. Лебедев, В. Замаяндр) и экскурсия на Днепротес выпала подпись т. А. Гасбова.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение. РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Стростной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-34-99.

ПИСЬМО ИЗ СЕВЕРНОЙ ТАЙГИ

Нало сказать, что районный партийный комитет и секретарь его т. Шугров большое внимание уделяют вопросам искусства и литературы, но районная газета не в силах сделать так-либо сами, без помощи центр, выводу крайней отсталости.

В работе есть и хорошие ребята, но им никто не помогает, районная газета не печатает их, все время не было и литконсультации.

Наша тайга ждет культурной помощи и края и ждет культурной помощи, даже сожаления.

Есть в Красноярске писательская группа, объединенная при краевой газете. Эта группа бы подумала о помощи литературному молодому талантливому писателю, посылая пособия для литературы, связывая с культурным комбинатом и профсоюзной организацией.

Далекая северная тайга ждет культурной помощи и края и ждет культурной помощи, даже сожаления.

М. АЛЬТШУЛЕР.

РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ТВОРЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В сентябре с. г. по инициативе Наркомпроса УССР, Союза советских писателей и Детиздата Украины в Киеве состоится республиканское творческое совещание по вопросам детской литературы.

В беседе с нашим харьковским корреспондентом директором Детиздата В. Барули сказано:

«...новелла из анекдотов и поступка превращается в серьезное литературное произведение, и все эти классические реминисценции, ставшие тусклыми и ненужными после того, как они сделали свое дело — попытка обоснования жанра. (Шиммарев. Подчеркнуто мной. — С. К.)

В беседе с нашим харьковским корреспондентом директором Детиздата В. Барули сказано:

«...новелла из анекдотов и поступка превращается в серьезное литературное произведение, и все эти классические реминисценции, ставшие тусклыми и ненужными после того, как они сделали свое дело — попытка обоснования жанра. (Шиммарев. Подчеркнуто мной. — С. К.)

В беседе с нашим харьковским корреспондентом директором Детиздата В. Барули сказано:

«...новелла из анекдотов и поступка превращается в серьезное литературное произведение, и все эти классические реминисценции, ставшие тусклыми и ненужными после того, как они сделали свое дело — попытка обоснования жанра. (Шиммарев. Подчеркнуто мной. — С. К.)

Сурен Кочарьян. Портрет худ. М. Сарьяна.

Сурен Кочарьян. Портрет худ. М. Сарьяна.

продолженной работы Боккаччо, остался собою и в тематике, и в архитектонике, и в стиле, и в языке, и во всем остальном, том, что делает Декамерон — Декамероном.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ: «ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ: И НА ДНАХ БУДЕТ РАССЫЛАТЬСЯ ПОДПИСЧИКАМ ЖУРНАЛА № 8

ОКТЯБРЬ (августовский).

СОДЕРЖАНИЕ: А. Чапыгин — Гулящие люди, роман. Евг. Долматовский — Песенки, стихи. Иван Шухов — Родина, роман. Андрей Новиков — Повесть о камаринском мужике. Александр Решетов — Я вспоминаю. Листья, стихи. Г. Шолохов-Сивянский — Суровая путника, роман (окончание).

С. Герзон — Чужая слана, рассказ. ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО И. Новиц — Духовная драма Горького.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: О. Войтинская — Шестое чувство. Г. Горьес — Евг. Немирова — «Счастья».

В ближайшие дни выходит из печати № 8 (август) журнала ТЕАТР И ДРАМАТУРГИЯ

В номере Роман Родин и А. М. Горького, Борис Сен — Революционный театр Америки (О. Литовский). Театральные заметки, И. Аксенов — Липа и характеры Шекспира, В. Магницкий — «Ромео и Джульетта» в театре Роволонди, С. Игнатюк — Лопе де Вега в его театре, Ал. Дейч — Лопе де Вега в Киеве, Д. Заславский — Шушка на сцене, А. Гасбов — Журнал-универсал.

В номере четыре фото-полосы, начатая статья о способах модно-типа, много иллюстраций в тексте, Журнал является на хорошем бумаге, большого формата.

Подписка принимается всеми отделными, магазинными, киосками, удочными почтовыми отделениями СССР в соответствии с правилами Союза писателей. Подписка принимается всеми отделными, магазинными, киосками, удочными почтовыми отделениями СССР в соответствии с правилами Союза писателей.

В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПАЕТ В ПРОДАЖУ № 7 ЖУРНАЛА „Советский театр“

орган управления театрами Наркомпроса РСФСР и ЦК Рабиса. Ответств. редактор — М. П. Аркадьев. СОДЕРЖАНИЕ: Яков Гринвальд — Колея театральной провинции. Эм. Бескин — Воронежский театр. В. Баум — Театр Балкирия. И. Крути — «Красный факел». Н. Александров — Смоленский театр. В. Туруев — О театральном директоре. Как мы работаем. — Засл. арт. А. В. Полюнов, засл. арт. Г. М. Васильев, О. Г. Супруншина, засл. арт. Г. А. Шубов, нар. арт. М. А. Магдолов, нар. арт. Г. Митгаков, засл. арт. В. М. Славковский, засл. арт. В. И. Волков, нар. арт. Ф. М. Волгин, Е. Н. Писарев, Ф. С. Литвинов, Л. И. Волков, А. Старчак — «Детр», Н. Волков — Ленинградский билет. По советской стране. В Управление театрами. Юбилей. Театр в колхозе. Передача театраль. Театры в будущем сезоне. В номере четыре фото-полосы, начатая статья о способах модно-типа, много иллюстраций в тексте, Журнал является на хорошем бумаге, большого формата.